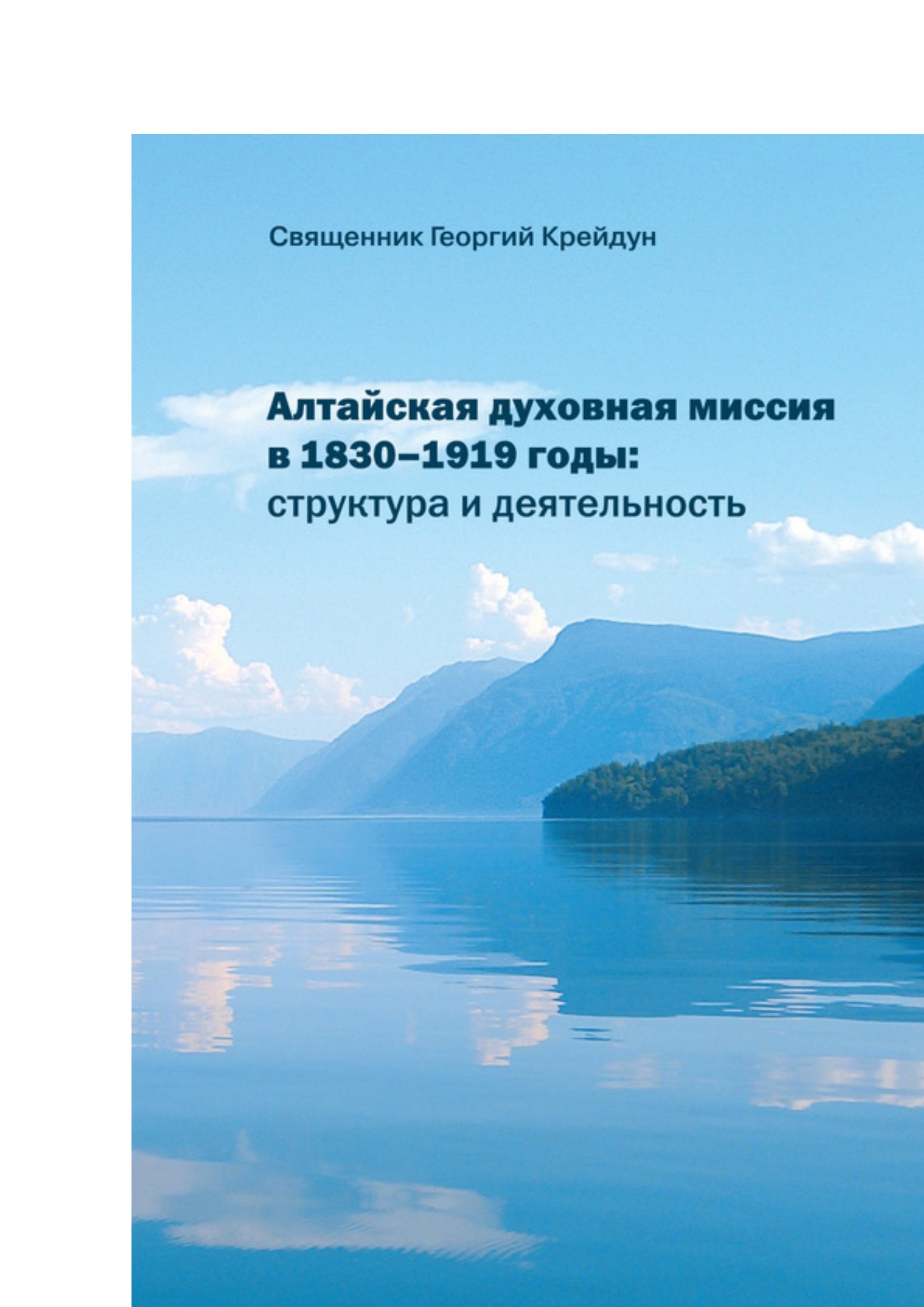

Священник Георгий Крейдун

**Алтайская духовная миссия
в 1830–1919 годы:
структура и деятельность**

Георгий Крейдун
Алтайская духовная миссия в 1830–
1919 годы: структура и деятельность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11788767

*Алтайская духовная миссия в 1830 – 1919 годы: структура и деятельность. / Крейдун Георгий,
свящ.: ПСТГУ; Москва; 2008
ISBN 978-5-7429-0352-9*

Аннотация

В монографии на основе достаточно широкого круга источников (опубликованных, архивных, этнографических) прослежено создание, развитие и функционирование административных, богослужебных, просветительских и социальных структур Алтайской духовной миссии на протяжении всей ее истории. Структурное описание учреждений охватывает практически весь спектр миссионерской деятельности на Алтае. Впервые исследованы некоторые подразделения миссии (Жуланихинская и Матурская миссионерские общины, школа имени митрополита Макария, ряд других учебных заведений). Введены в научный оборот ранее неизвестные архивные документы.

В работе систематизируется исторический опыт миссионерской деятельности на Алтае. Она представляет интерес как для специалистов-историков, религиоведов, педагогов, краеведов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей миссионерской деятельности в России.

Содержание

Введение	4
Глава 1	18
Проповедь христианства до создания миссии	18
Приезд архимандрита Макария (Глухарева) и выбор места для стана	23
Характер административной и просветительской деятельности архимандрита Макария	28
Глава 2	32
Периодизация истории	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Священник Георгий Крейдун Алтайская духовная миссия в 1830– 1919 годы: структура и деятельность

Введение

Сегодня во многих епархиях Русской Православной Церкви идет процесс возрождения миссионерской работы. Современный миссионер расширяет фактические (неформальные) пределы Церкви. Он отправляется в те места, дома, населенные пункты, где, может быть, и не ждут слово проповеди о Христе. Миссионер не дожидается приглашения, а сам идет навстречу людям, еще не познавшим Христа. Деятельность Русской Православной Церкви на окраинах Российской империи всегда была ознаменована самоотдачей и самопожертвованием настоящих подвижников веры. Несмотря на ряд правительственных решений в области политического и хозяйственного освоения окраинных земель, частью которого было и распространение православия среди коренных народов, миссионерство оставалось уделом лишь немногих пастырей, способных в ущерб своему здоровью, материальному благополучию трудиться ради просвещения населения далеких окраин.

Однако следует отметить, что в наши дни, как и раньше, решение миссионерских задач не под силу отдельным приходским священникам. Необходима целенаправленная, преимущественно групповая деятельность, что в свою очередь требует создания различных структур, способных вести миссионерскую работу планомерно и эффективно. Подобный путь проходили миссионеры внешних миссий, начинавшие свою работу, как говорится, с нуля. Без создания развитой структуры миссионерских учреждений невозможно было бы достичь значительных результатов в Китае, Японии, Корее. В 1910 г. в Иркутске состоялся миссионерский съезд, на котором были подведены некоторые итоги миссионерской деятельности Русской Православной Церкви за XIX и первое десятилетие XX в. Среди многочисленных миссий, действовавших внутри страны, Алтайская духовная миссия получила наибольшее признание, была названа образцом и руководителем для других миссий. Действительно, за несколько десятилетий на Алтае была создана система церковных учреждений, позволявшая исполнять как прямые функции миссионерских приходов (проповедь, крещение, пастырское окормление), так и повышать уровень грамотности коренного населения, готовить собственные кадры, проводить социальную работу.

В Алтайской миссии трудились многие выдающиеся благовестники и пастыри, чьи имена и масштабы деятельности выходят далеко за ее пределы. Это, в первую очередь, основатель миссии – преподобный архимандрит Макарий (Глухарев), не только известный миссионер, но и ученый-лингвист, сыгравший большую роль в создании русского перевода Библии. Ныне он прославлен в лике святых (память 18 мая и 7 сентября по ст. ст.). Это и святитель Макарий (Невский), прошедший путь от рядового катехизатора до иерарха Первопрестольной – митрополита Московского и Коломенского (память 16 февраля). Всего из рядов Алтайской миссии вышли более десяти иерархов Русской Православной Церкви. Среди них: митрополит Мануил (Лемешевский), архиепископ Казанский и Свияжский Владимир (Петров), архиепископ Донской Владимир (Синьковский), епископ Приамурский и Благовещенский Иннокентий (Солодчин), епископ Бийский Иннокентий (Соколов) и др. Можно сказать, что Миссия стала своеобразной кузницей кадров, где не в учебных аудиториях, а на практике миссионерского служения формировались личности и характеры. Особенности служения в Горном Алтае требовали чрезвычайной самоотдачи и напряжения всех моральных и физиче-

ских сил, что, в свою очередь, способствовало более полному раскрытию талантов сотрудников. Поэтому исследования по истории Алтайской духовной миссии имеют не только региональное, но и общецерковное значение. И, хотя со дня основания Алтайской миссии еще не прошло и двух столетий, результаты ее работы уже сейчас представляют предмет глубоких историко-церковных, богословских и миссионерско-просветительских исследований как церковных, так и светских ученых.

Возрождение православия в России настоятельно требует изучения и обобщения разнообразных форм духовного просвещения в дореволюционный период. Это особенно важно по той причине, что современная ситуация во многом перекликается с ситуацией начала XX в. Опыт Алтайской духовной миссии интересен и важен, поскольку она была самой обширной (с наиболее разветвленной сетью структур) из внутренних миссий и оставалась образцовой вплоть до самой революции.

Годы советской власти нанесли непоправимый урон христианскому просвещению народов Горного Алтая. К сожалению, не сбылись слова одного из ярчайших миссионеров Русской Православной Церкви преосвященного Владимира (Петрова), сказанные во время празднования 50-летия Алтайской духовной миссии. Владыка надеялся, что к окончанию второго 50-летия миссии светом Христовой Истины будут просвещены все алтайские «инородцы». Однако, несмотря на полное упразднение в 1920-е гг. миссионерских учреждений, дело просветителей Алтая не исчезло бесследно и получило свое полноценное продолжение среди потомков новокрещенных инородцев в наши дни.

В начале 1920-х гг. прекратили свое существование монастыри Алтайской миссии (мужской – Чулышманский Благовещенский, три женских – Улалинский Никольский, Бийский Тихвинский и Чемальская община). Упразднен был и Бийский Архиерейский дом – резиденция начальника Алтайской миссии. Последний начальник миссии – архиепископ Иннокентий (Соколов) – был этапирован с Алтая в 1923 г. В начале 1924 г. священник разоренного Тихвинского монастыря игумен Никита (Прибытков) от Патриарха Тихона принял сан епископа и приехал на Алтай вместо изгнанного архиепископа Иннокентия. Власти не давали покоя и новому епископу Бийскому. Тем не менее вплоть до ареста в 1931 г. преосвященный Никита не покидал паствы бийской, рубцовской, кузнецкой и ойротской – так звучал его титул. В дальнейшем, находясь на Белёвской кафедре Тульской епархии, он был арестован и расстрелян в 1938 г. Епископ Никита (Прибытков) прославлен в лике святых новомучеников в 2001 г.

Не оставляли места своего служения и многие другие священники-миссионеры. Так, в 1920-е гг. окормлял чулышманскую и улаганскую паству иеромонах Валентин (Галитовский). В его личном Часослове, который сохранила одна благочестивая семья, на форзаце было написано, что в 1928 г. на него был возложен наградной крест. Умер он в начале 30-х гг. и похоронен на кладбище в селе Чибит Улаганского района Республики Алтай.

Вплоть до ареста в 1927 г. продолжал служить в Бирюлинской церкви священник-миссионер Стефан Чевалков. В 1929 г. он был арестован вторично, из тюрьмы уже не вернулся. Тогда же был арестован весь причт улалинского храма Всемилоственного Спаса.

К середине 1930-х гг. на территории Горного Алтая не осталось ни одного действующего миссионерского стана или прихода. До революции их насчитывалось более тридцати. Окормлением немногочисленных православных Горного Алтая занималось бийское духовенство: Покровского храма (до разрушения церкви в начале 1960-х гг.) и Успенского.

Хотя храмы были закрыты и уничтожены, но остались люди, которые хранили веру православную. Многие добирались из далеких горных уголков до Бийска на двенадцатые праздники. А если невозможно было доехать до Бийска, то собирались у мест, где стояли некогда храмы (как было, например, в селе Иня Онгудайского района Республики Алтай). Если было опасно собираться на видном месте у закрытых храмов, то ходили к местам,

каким-то образом связанным с миссионерами-священниками. Интересен пример жителей с. Матурского. После закрытия стана и женской общины священник (имя его, к сожалению, забыто) удалился в лес, где жил в вырытой собственноручно пещере. Рядом с пещерой он установил и освятил крест. Разумеется, священник вскоре был арестован, но местные жители ежегодно на Пасху приходили к кресту молиться. В годы хрущевских гонений крест сожгли, но верующие продолжали приходить на праздник теперь уже к остаткам сгоревшего креста. Стоит сказать, что и сегодня в наиболее отдаленных и труднодоступных местах Алтайских гор можно увидеть кресты, установленные алтайскими миссионерами. Так, в 2001 г. нам удалось обнаружить миссионерский крест на одной из вершин северного берега Телецкого озера. Несколько миссионерских крестов находятся в Улаганском районе, где ныне совершает служение игумен Макарий (Чулунов). Таким образом, Церковь сохранилась в Горном Алтае, хотя и вынуждена была существовать в «катакомбных» условиях.

Долгими были годы гонений, но связь времен не прервалась. Сегодня живы еще те, кто помнит, как проповедовали миссионеры, как совершались богослужения в миссионерских храмах, как посещал Алтай святитель Макарий (Невский). Среди них Татьяна Давыдовна Тозыякова (1910) и Петр Степанович Чевалков (1913) – сын священника Стефана Чевалкова; он служил пономарем в храме отца.

Сколь стремительным было разорение, столь же стремительным оказалось и возрождение. В конце XX в. Русская Православная Церковь пережила как бы второе рождение. Восстановление приходской жизни в Горном Алтае началось практически сразу после празднования в нашей стране тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. Во многих местах стали открываться приходы, возрождаться и строиться храмы. О том, что православие действительно сохранилось в Горном Алтае, свидетельствует протоиерей Ростислав Кирашук, настоятель возрожденного Улалинского (ныне г. Горно-Алтайск) прихода. В 1990 г. он завершил строительство нового Преображенского храма. Отцу Ростиславу первому после лихолетья довелось посещать те места, где некогда проповедовали миссионеры. Что особенно удивляло, верующие алтайцы сохранили благочестивые обычаи обращения со святынями, общения со священнослужителем. В 1990-е гг. инициативу возрождения храмов в Республике Алтай брали на себя местные жители. Причем, получив благословение епархиального начальства, они, не дожидаясь, когда к ним будет назначен священник, начинали восстановительные работы. Так было, в частности, в селах Онгудай, Балыктуюль, Паспаул.

Итак, в Горном Алтае за несколько десятилетий деятельности Алтайской миссии православие укоренилось настолько, что стало неотъемлемой частью жизни местного населения, в том числе и коренных национальностей. В этом несомненная и основная заслуга алтайских миссионеров как христианских благовестников.

Сегодня уже осталось мало живых свидетелей бескорыстных и самоотверженных трудов сотрудников Алтайской духовной миссии, поэтому главными источниками для изучения истории Миссии по прошествии почти столетия со дня прекращения ее деятельности являются архивные и опубликованные документы.

Рассмотрим использованные в работе неопубликованные архивные и опубликованные источники¹. Архив Алтайской духовной миссии начал формироваться со времени ее основания. Этого требовали принципы жизнедеятельности приходских и других церковных структур. Первоначально вся деятельность миссии была приписана к ближайшему приходу – Свято-Димитриевскому – с. Енисейского, который находился в 80 верстах от Маймы, первого миссионерского стана. Именно в приходских книгах данной церкви происходила регистрация всех таинств и других церковных священнодействий, совершаемых в новооткрытой

¹ См.: Крейдун Ю.А. Источники по истории Алтайской духовной миссии // Материалы XV Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 2. М., 2005. С. 21–32.

миссии. Однако вся деловая переписка откладывалась непосредственно в стане и Tobольской консистории, поскольку административно начальник Алтайской миссии подчинялся непосредственно тобольскому архиерею. С 1834 г., т. е. с момента образования Томской епархии, Миссия перешла в подчинение Томской консистории. Таким образом, документы по первому периоду деятельности Алтайской миссии «оседали» в четырех местах: Tobольской консистории, Томской консистории, Барнаульском Духовном правлении и непосредственно в архиве миссии.

Наиболее полноценным было собрание в Майме. Затем, с переносом центра миссии в Улалу, туда же был перевезен и архив миссии. На эти документы ссылались протоиереи Стефан Ландышев² и Василий Вербицкий³. Они соответственно в 1856 и 1860 гг. написали две независимые работы, которые являются фактическими историческими описаниями истории миссии за первые десятилетия ее существования. Аргументируя свое повествование, авторы делают точные ссылки на входящие и исходящие документы миссии. В обеих работах содержится краткая предыстория миссии, дается характеристика родоплеменного состава и территориального расселения жителей Горного Алтая. В тексте выдерживается хронологический принцип изложения материала, а в структуре документов просматриваются главные направления деятельности миссии: организация станов, работа по «обращению» инородцев в православие и внедрение среди них новых форм хозяйствования и оседлого быта, благотворительность.

В 1880 г. резиденция Алтайской миссии была перенесена в Бийск. Там, в новопостроенном полукаменном здании начальника миссии разместился архив. Но в 1886 г. произошел пожар, который уничтожил весь первоначальный архив, в котором были как документы делопроизводства, так и записки и письма миссионеров, начиная с основателя. Архивы консисторий по раннему периоду Миссии, к сожалению, после периода лихолетья были частично утрачены, а то, что сохранилось, не систематизировано. Самые ранние документы нами обнаружены в фонде Барнаульского духовного правления (ЦХАФ АК Н.Ф. 26), датированные 1830 и 1836 гг. Некоторые важные документы оказались в фонде строительного управления Алтайского округа (ЦХАФ АК Н.Ф. 50). Эти документы отражают планировку первого миссионерского стана и облик первых миссионерских построек.

Что касается архивных документов второй половины XIX столетия, то в настоящий момент больше всего их сохранилось в областном архиве Томской области (ГА ТО): фонды Томской консистории – 170 (в разрозненном виде) и Алтайской духовной миссии – 184 (34 дела). Документы, относящиеся к концу XIX и первой четверти XX в., сохранились в наибольшем количестве в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК): фонд 164 (Алтайская духовная миссия, почти 300 дел), фонд 186 (Бийское миссионерское катехизаторское училище), фонд 188 (Бийский Тихвинский монастырь). Имеются интересные документы в хранилищах Государственной архивной службы Республики Алтай (ГАС РА). Архив располагает небольшим фондом (22 дела) улалинской Спасской церкви (Ф.Д.11), который включает в себя только метрические книги за 1870–1896 гг. Но поскольку ГАСРА стал систематически формироваться только с 1920 г., наибольшую важность имеют документы советского времени: фонд 33 (Ойротский областной Совет народных депутатов), фонд 51 (Административный отдел Ойротского облисполкома), а также фонд 91 (Улалинский волостной революционный комитет). В делах данных фондов имеются описи церковного имущества, характеристика строений, официальное делопроизводство о закрытии храмов.

² Государственный архив Тюменской области, Tobольский филиал (далее ГА ТОТ). Ф. 144; Александр Сулоцкий. Д. 44а.

³ 2 Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее ЦХАФ АК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–34 (рукопись.)

Наиболее значимой основой для нашего исследования послужили документы делопроизводства Алтайской миссии (клировые ведомости, ведомости о служащих, отчеты, рапорты, прошения).

Самая ранняя «Ведомость о лицах, служащих при Алтайской духовной миссии» находится в ГА ТО (Ф. 170), датирована 1859 г.; в этом же фонде Томской духовной Консистории находится подобная «Ведомость...» за 1860 г. А в фонде ГА ТО – Алтайской духовной миссии (Ф. 184) – под разными заголовками имеются «Ведомости служащих Алтайской духовной миссии», «Послужные списки членов Алтайской духовной миссии», «Ведомость о лицах, служащих в Алтайской духовной миссии» за период с 1865 г. до конца 1880 г. Эти документы содержат систематизированную информацию, включающую имена, возраст, место рождения и происхождение, образование, прохождение по службе и награды, семейное положение всех, кто работал в миссии – начальников, священников-миссионеров, дьяконов, церковнослужителей и других лиц. Данные источники ценны еще и тем, что в графе о прохождении службы имеются сведения о содержании работы с указанием дат «заведения» селений, церквей и школ, количества крещений⁴.

Комплексную информацию дают «Ведомости о церквях и лицах, служащих в Алтайской миссии» и «Клировые ведомости церквей...». Они находятся в двух архивах: ГА ТО (Ф. 184) – до 1901 г. включительно, ЦХАФАК (Ф. 164) – с 1902 по 1916 г. С 1910 г. эти «Ведомости» разделены на три части в соответствии с разделением Миссии на благочиния, но за 1914–1916 гг. их комплекты неполные. Данные «Ведомости» имеют сведения о храмах: когда они были построены, на чьи средства и из какого материала, как оснащены и какую имеют утварь, имеются ли приписанные церкви и молитвенные дома, школы, библиотеки и т. д. Отдельно включена информация «о причте означенной церкви» и прихожанах: их количественный и «качественный» состав, а также, в некотором роде, показатель их христианского благочестия – сколько было человек у исповеди и причастия за год, а сколько не было и почему⁵.

Важным дополнением к вопросу о строительной деятельности Миссии являются страховые акты, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. В настоящей работе использованы, в частности, описи церковных строений страхового общества «Россия» (фонд 799).

Интересные материалы содержатся в документах личного происхождения, в частности, в миссионерских записках и дневниках, которые вели служащие миссии. В них отражена вся их многогранная деятельность: миссионерские поездки, связанные с преодолением многочисленных трудностей, огромная проповедническая работа, благотворительность по отношению к новокрещеным и, что примечательно, «необычайные» случаи крещений и многое другое. В этих записках и дневниках встречаются также описания всевозможных происшествий, пережитых миссионерами, а потому некоторые из них читаются как художественное произведение. Большая часть дневников и записок сохранилась в фонде Алтайской духовной миссии (ЦХАФ АК, Н.Ф. 164). Особый интерес вызывают записи, датированные началом XX в. По ним можно увидеть, как менялась внутренняя психологическая ситуация среди населения Горного Алтая в связи с событиями, происходившими в стране и регионе, – русско-японской войной, революционными событиями 1905 г. и принятием в стране закона о свободе вероисповеданий. В этот же период в Горном Алтае развернулось движение «бурханизм». Как отклик на эти события появилась новая форма работы миссионеров – органи-

⁴ Государственный архив Томской области (далее ГА ТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 196, 249; Ф. 184. Оп. 1. Д. 1–12.

⁵ ГА ТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13–19; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61, 62, 63, 69, 90. Оп. 2. Д. 26, 28, 35, 44, 50, 51, 52, 54, 61, 62, 63, 66, 67, 69, 70, 72, 84, 92, 94, 96, 107.

зация проповеднических дружин, о которых также имеются упоминания в записках миссионеров, отчетах миссии⁶.

Некоторые ранее неизвестные записки миссионеров, в том числе прот. Василия и иерея Владимира Постниковых, иерея Стефана Борисова обнаружила д-р ист. наук З. С. Казагачева в частных собраниях их потомков – семье Н. Л. Родионовой-Кумандиной. Ныне данные записки переданы на хранение в библиотеку Института алтаистики (г. Горно-Алтайск).

Дополняют опубликованные источники личного происхождения воспоминания потомков миссионеров. Так, по инициативе З.С. Казагачевой появились рукописные двухтомные воспоминания о семье миссионеров Постниковых, служивших в Мыютинском стане Алтайской миссии, написанные дочерью миссионера Луки Кумандина – Н. Л. Родионовой-Кумандиной (1904). Кроме того, автором данной монографии записаны подробные воспоминания П. С. Чевалкова (1913), сына миссионера Стефана Чевалкова, об Улалинском миссионерском стане.

Самостоятельное значение для изучения истории Алтайской духовной миссии имеет эпистолярное наследие миссионеров.

Использование писем, обнаруженных в архивных делах, играет определенную роль в данном исследовании, и не только для полноты характеристик личностей – субъектов в описываемых событиях, но в ряде случаев служит «канвой» для их реконструкции. Всего в архиве Алтайского края выявлено около пятисот писем алтайских миссионеров за период с 1852 по 1919 г., в том числе писем святителя Макария (Невского) – 81, и писем, адресованных ему, – 73. Помимо архивных фондов, эпистолярное наследие алтайских миссионеров содержится и в опубликованных источниках. Наиболее полным изданием писем основателя миссии – архимандрита Макария – является, несомненно, труд К. В. Харламповича⁷. Письма других миссионеров большей частью имеются в разрозненных изданиях.

Среди опубликованных источников важная роль принадлежит нормативно-законодательным документам. Как известно, деятельность Русской Православной Церкви регламентировалась законодательством Российской империи. Святейший Синод фактически являлся государственным ведомством по делам Церкви. Через Синод осуществлялось финансирование всех структурных подразделений Церкви. Поэтому неудивительно, что все принципиальные вопросы деятельности церковных приходов, миссионерских станов и школ решались на высоком государственном уровне. В работе использован ряд изданий, отражающих законодательную базу деятельности Церкви⁸.

К документам делопроизводства относятся также ежегодные отчеты начальника миссии. Данный вид источников большей частью относится к опубликованным. Отчеты ежегодно составлялись начальниками миссии. Первыми систематическими отчетами о состоянии миссии, числе крещеных, постройках, станах, деятельности миссионеров были документы, составленные протоиереем Стефаном Ландышевым. Эти документы отражали состояние миссии за определенные периоды: 1844–1856 гг.⁹, 1856–1862 гг.¹⁰, 1864 г.¹¹ Сле-

⁶ ГА ТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 27. Л. 2# 15; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 6, 10, 30, 35, 36, 83, 87, 100, 131, 135, 158; Оп. 2. Д. 16, 27, 62, 86, 90, 98, 101, 115 и др.

⁷ См.: Письма архимандрита Макария, основателя Алтайской миссии / Под ред. К. В. Харламповича. Казань, 1905.

⁸ См.: Устав Духовных консисторий. СПб., 1883; Правила о церковноприходских школах, высочайше утвержденные 13 июня 1884 года. Одесса, 1884; Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Г. Барсов. Т. 1. СПб., 1885; Правила о православных церковных братствах и положение о приходских попечительствах при православных церквях. СПб., 1904; Указания и распоряжения о школах // Пастырско-миссионерский календарь. СПб., 1908.

⁹ ГА ТОТ. Ф. 144; Александр Сулоцкий. Д. 44а.

¹⁰ См.: Сведения об АДМ за шесть лет (с августа 1856 г. по август 1862 г.) начальника миссии, протоиерея Стефана Ландышева. М., 1863.

¹¹ См.: Алтайская духовная миссия. М., 1864.

дует отметить, что требования составлять отчеты о деятельности миссии во время начальствования о. Ст. Ландышева не было. Появление таких документов было вызвано попытками о. Стефана обратить внимание на материальные нужды миссии. Так, первый «отчетный» документ был составлен, похоже, в 1851 г. Тогда начальник миссии подал рапорт епископу Томскому Афанасию с обзором состояния миссии на Алтае и соображениями по развитию миссионерской деятельности¹². Причем запрос исходил от Святейшего Синода. Однако, по словам самого прот. Стефана, предложения остались «без последствий». Как только в Томск был назначен новый епископ – преосвященный Парфений – от начальника миссии поступил новый рапорт с предложениями «о распространении и штате ея [миссии]» (18 декабря 1855 г.). Таким образом, отчеты о. Ст. Ландышева появлялись в связи с необходимостью добиваться финансирования для расширяющейся структуры миссии.

Первый полноценный годовой отчет о состоянии Алтайской миссии был подготовлен архимандритом Владимиром (Петровым) в 1870 г. и был опубликован в «Сборнике сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества»¹³. Необходимо отметить, что структура данного отчета во многом копировала более ранние документы о. Ст. Ландышева. В период с 1870 по 1916 гг. отчеты составлялись ежегодно. Однако отчеты за 1878 и 1903 гг. нам не удалось обнаружить. Возможно, в эти годы отчеты по каким-либо причинам не были изданы, а в известных нам архивных фондах не сохранились. Не был опубликован и отчет за 1916 г., но он сохранился в машинописном подлиннике¹⁴.

В большинстве случаев отчеты печатались в Томске или Бийске отдельными брошюрами, а также в журналах «Томские епархиальные ведомости» и «Православный благовестник». Как правило, они лаконичны, но емки. Они содержат статистические данные о численности «православной паствы» и язычников, проживающих на территории действия миссии, о количестве храмовых построек и школ, сведения о перемещениях по службе её работников. Включалась в отчеты и информация об освящении вновь построенных церквей, о состоянии обучения в школах, благотворительной помощи населению и др. Нередко в них публиковались рассказы о различных «замечательных случаях» из жизни миссии. Некоторые отчеты начала XX в. более обширны за счет включенных туда записок миссионеров. Кроме того, в отчеты включались описания поездок церковных иерархов и начальников миссии по станам и приходам и т. д. Отчеты за 1870, 1889¹⁵ и 1910 гг.¹⁶ ценны тем, что в них даются систематические сведения обо всех отделениях Алтайской духовной миссии.

Среди статистических источников важную роль играли справочники по Томской епархии за 1898/99, 1902/03, 1909/10 и 1914 гг.¹⁷ В них отдельным разделом даны сведения об Алтайской духовной миссии. Информация по станам (отделениям) представлена краткая, но разнообразная. Это и состав прихода вместе с указанием расстояния от населенных пунктов до самостоятельной церкви, к которой они приписаны, состав служащих и их денежное содержание, наличие церковно-приходских школ, приходских попечительств и приютов.

¹² ГА ТОО. Ф. 144; Александр Сулоцкий. Д.44а. Л.10.

¹³ Алтайская духовная миссия в 1870 году // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. 2. М., 1872.

¹⁴ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 1-22.

¹⁵ Отчет об Алтайской и Киргизской Миссиях Томской епархии за 1889 год // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 7–9.

¹⁶ Отчет об Алтайской Духовной Миссии за 1910 год // Томские епархиальные ведомости. 1911. № 6—15.

¹⁷ Справочная книга по Томской епархии за 1898/99 гг. Томск, 1900; Справочная книга по Томской епархии за 1902/03 г. Томск, 1903; Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 г. Томск, 1911; Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914.

Помимо епархиальных справочников издавались справочники по г. Бийску, Бийскому уезду и списки населенных мест¹⁸.

Большой источниковый материал найден в изданиях периодической печати. В XIII в. выходило в свет несколько церковных периодических изданий. В наибольшей мере события из жизни Алтайской духовной миссии отражались в журналах «Миссионер», «Томские епархиальные ведомости», «Православный благовестник». Разумеется, оперативность в отражении текущих событий была невелика. Большей частью в этих изданиях преобладала официальная информация: отчеты, перечни, статистика, юбилеи, богословские исследования, дневники, мемуары. Тем не менее почти в каждом номере помещались небольшие заметки под заглавиями: известия с Алтая, письма с Алтая и т. п., а также статьи, содержащие информацию об освящении храмов, открытии миссионерских школ, торжественных богослужений, посещения Алтая высокими лицами, миссионерских поездках. Данные статьи являются подчас единственными источниками сведений о ряде торжественных событий в жизни миссии. Например, о том, что храм Всемиловитового Спаса в центральном стане миссии был построен в 1875 г. на том самом месте, где ранее находился дом Элески-Иоанна (первый алтаец, крещенный основателем миссии)¹⁹; о начале занятий в новых улалинских школах²⁰, об открытии двухклассной школы в Чемале²¹, о строительстве храма-памятника в Улале²² и т. д.

В дореволюционной периодике, в различных православных и миссионерских изданиях была опубликована часть миссионерских дневников и записок. Публиковались миссионерские записки и как материал, дополняющий ежегодные отчеты Алтайской духовной миссии, в виде отдельных книг и в специальных сборниках – «Душеполезное чтение»²³.

Иногда сами миссионеры пытались систематизировать историю Алтайской миссии. Например, работа протоиерея С. Ландышева «Некоторые сведения об учреждении Алтайской духовной миссии и о ее основателе, отце архимандрите Макарии» опубликована в журнале «Миссионер» за 1877 г. В газете «Воскресные прибавления к “Московским ведомостям”» за 1868 г. также были напечатаны материалы о миссии (ее деятеля И. Солодчина). Из них почерпнута информация о первых миссионерах Алтая, о проблемах, связанных с Чулышманским монастырем. Однако изложение материала часто носит полемический характер и потому несколько тенденциозно²⁴; данный вид источников можно отнести к дореволюционной публицистике. Судя по тому, что в стране выпускалось довольно много разнообразной печатной продукции (журналы, газеты, отдельные издания), в которой освещалась миссионерская деятельность Русской Православной Церкви, государство и Церковь пытались привлечь внимание общества к этому вопросу. С одной стороны, сочувствие к миссионерству как благому делу по отношению к «иногородцам» привлекало благотворителей,

¹⁸ Список населенных мест Сибирского края. Вып. X: Ойротская область. Новосибирск, 1928; Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду за 1911 год. Бийск, 1911.

¹⁹ См.: Известия с Алтая // Миссионер. 1875. 1 10. С. 78.

²⁰ См.: Миссионерские известия и заметки. Известия с Алтая // Томские епархиальные ведомости. 1901. 122. С. 21–22.

²¹ См.: К открытию на Алтае двухклассной учительской женской школы с учительскими курсами // Православный благовестник. 1913. 1 1. С. 14.

²² См.: Освящение памятника-храма в селе Улале 1912 года августа 5 дня // Православный благовестник. 1912. 1 21. С. 341–345; Павлин Алтайский. Чувства и думы миссионера в алтайском храме-памятнике // Томские епархиальные ведомости. 1913. 1 7. С. 394–398.

²³ См.: Душеполезное чтение. 1862–1866 гг.; Извлечения из записок сотрудника Алтайской миссии священника Василия Вербицкого за 1857 год. М., 1859; Записки Улалинского отделения Алтайской Духовной Миссии миссионера Иоанна Смольяникова за 1858 г. М., 1860; Выписки из дневника миссионера Алтайской Духовной Миссии протоиерея Стефана Ландышева за 1-ю треть 1859 года. М., 1861; Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской Духовной Миссии священника Василия Вербицкого за 1861 год. М., 1862; Записки Алтайского миссионера Черно-Ануйского отделения священника Филарета Синьковского за 1876–1881 гг. М., 1883.

²⁴ См.: Солодчин И. Алтайская миссия // Воскресные прибавления к «Московским ведомостям», 1868.

чь средства играли немаловажную роль в организации этого хлопотного дела. С другой стороны, деятельность миссионеров вызывала интерес своеобразием своего содержания, в которой общество могло видеть пример самопожертвования из духовных и гражданских побуждений, а иногда романтику.

Важными источниками в работе по изучению истории православного миссионерства служат опубликованные материалы дореволюционных исследователей-этнографов. Несколько известных исследователей посещали Горный Алтай с целью его изучения и непроизвольно были беспристрастными свидетелями событий, происходивших в этом районе. Речь идет о научных экспедициях и созданных ими различных справочных изданиях, публикациях в светских газетах, журналах и т. д. Из большого числа таких исследований назову имена наиболее значимых авторов: П. Чихачёв²⁵, Я. Попов²⁶, В. Гурьев²⁷,

В. Радлов²⁸, Г. Потанин²⁹. В работах этих ученых представлена информация о влиянии Миссии на жизнь населения Алтая, их культурную традицию. Однако наиболее ярким и систематичным этнографическим исследованием Горного Алтая в XIX в., несомненно, является работа протоиерея Василия Вербицкого «Алтайские инородцы», изданная в 1893 г.

Таким образом, спектр источников по истории Алтайской духовной миссии достаточно обширен. Это многочисленные печатные материалы и архивные документы. Особую значимость имеют подлинники автографы начальников миссии, священников, учителей, сохранившиеся в региональных архивных фондах Алтайского края, Томской и Тюменской областей. Среди сохранившихся архивных документов имеются финансовые отчеты, делопроизводство (рапорты, прошения, указы), неопубликованные записки и дневники, письма, этнографические записи. Несомненно, выдающейся и непревзойденной работой по источниковедению Алтайской духовной миссии является магистерская диссертация протоиерея Бориса Пивоварова «Научное описание фондов Алтайской духовной миссии»³⁰, защищенная в Московской духовной академии в 1988 г. Фундаментальное пятитомное исследование содержит перечни, каталоги, указатели как печатных, так и архивных документов. Детально проработаны соответствующие фонды ЦХАФ АК и ГА ТО. Каждому архивному делу дана краткая характеристика, выделены наиболее значимые с точки зрения автора документы. Составлен синодик алтайских миссионеров, приведена географическая карта-схема. В одном из томов впервые опубликовано около семидесяти ценнейших архивных документов. По прошествии двадцати лет со времени защиты диссертации изменилась политическая ситуация в стране. Архивные фонды стали более доступны, а историко-миссионерскими исследованиями стали заниматься не только церковные, но и светские ученые. За эти годы были обнаружены новые источники, так что обширные перечни названной диссертации пополняются и будут пополняться в будущем. Однако это нисколько не умаляет значимости работы, сделанной протоиереем Борисом Пивоваровым. Его диссертация еще долго сможет служить ценным источниковедческим путеводителем для различных тематических миссионерских исследований.

Нам удалось дополнить список важнейших документов по истории Алтайской духовной миссии. В монографии впервые введены в научный оборот следующие документы: 1) «Официальное уведомление протоиерею Созонту Куртукову о назначении архимандрита

²⁵ Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.

²⁶ Попов Я. Алтай // Томские губернские ведомости. 1858. 1 41.

²⁷ Гурьев В. Распространение христианства и развитие промышленности на Алтае // Томские губернские ведомости. 1864. 141. С. 333.

²⁸ Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.

²⁹ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1879–1880 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып.4. СПб., 1883.

³⁰ Пивоваров Борис, прот. Научное описание фондов Алтайской духовной миссии: Дисс. на соиск. уч. степ. магистра богосл. Т. 1–5. Новосибирск; Загорск, 1987–1988.

Макария миссионером в Бийский округ»³¹; 2) «План-фасад миссионерского дома, построенного в селении Майминском архимандритом Макарием»³²; 3) «Ситуационные планы Бийского уезда деревни Найминской»³³; 4) метрики, фиксированные основателем Миссии³⁴; 5) межевание земли для Улалинского женского монастыря³⁵. Ниже в тексте дано подробное описание данных документов. Первые попытки систематизировать историю Алтайской миссии были предприняты самими ее сотрудниками. Первая обобщающая работа подобного рода была написана в 1856 г. преемником основателя протоиереем Стефаном Ландышевым. Вероятно, отвечая на вопрос священника Александра Сулоцкого, о. Стефан в довольно пространным письме описывает состояние станов миссии, характеризует быт и мировоззрение коренных народностей Алтая. Предварялось повествование указанием, что «полной истории церковной Алтайской миссии доселе никем не написано; считаю этот труд своею обязанностью, еще не имею удобств и свободного времени заняться им»³⁶. В 1864 г. прот. Стефану удалось издать небольшую брошюру «Алтайская духовная миссия». Но и она далека от полноты изложения. Примерно в эти же годы был написан, но не издан «Очерк об Алтайской духовной миссии»³⁷. Его автор – миссионер священник Василий Вербицкий. Очерк сохранился в рукописи и датирован 1860 г. Это, вероятно, одна из первых научных работ о. В. Вербицкого. В ней прослежены важнейшие события из истории Миссии при ее основателе, архимандрите Макарии (Глухарева). Источниками для «Очерка...» служили документы делопроизводства, о чем свидетельствуют пометки на полях рукописи. Учитывая тот факт, что в 1886 г. архив миссии был уничтожен пожаром, данная рукопись фактически стала единственным документальным источником о первом периоде истории Алтайской миссии. В несколько переработанном виде «Очерк.» был опубликован в 1885 г.³⁸ Единственным документальным дополнением к «Очерку» являются дневники о. Макария о первых годах пребывания на Алтае и переписка, изданная К. В. Харламповичем. Так случилось, что систематических исследований истории миссии так и не появилось вплоть до 1917 г.

Подавляющее число исследований посвящалось деятелям Алтайской миссии. В первую очередь это биографические очерки об архимандрите Макарии (Глухарева). К наиболее значительным следует отнести работы П. Птохова³⁹, Д. Филимонова⁴⁰, К. Харламповича⁴¹, И. Ястребова⁴². Кроме того, подробно была исследована деятельность архиепископа Владимира (Петрова)⁴³ и митрополита Макария (Невского)⁴⁴. Дореволюционные исследова-

³¹ ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 98. Л. 270–271 об.

³² ЦХАФ АК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 35.

³³ Там же. Оп. 4. Д. 287, 293.

³⁴ ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 29–35 об.

³⁵ ЦХАФ АК. Ф. 50. Оп. 20. Д. 2.

³⁶ ГА ТОТ. Ф. 144; Александр Сулоцкий. Д. 44а. Л. 2.

³⁷ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–34.

³⁸ См.: *Вербицкий В. И.* Очерк деятельности Алтайской духовной миссии по случаю 50-летнего ее юбилея (1830–1880) // Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, 1885. С. 142.

³⁹ *Птохов П.* Архимандрит Макарий (Глухарева), основатель Алтайской миссии // Православный благовестник. 1897. Т. 1–3.

⁴⁰ *Филимонов Д. Д.* Материалы к биографии основателя Алтайской Миссии архимандрита Макария. М., 1888.

⁴¹ Письма архимандрита Макария, основателя Алтайской Миссии / Под ред. К. В. Харламповича. Казань, 1905. (вводная статья посвящена биографии архим. Макария).

⁴² *Ястребов И.* Краткие сведения о жизни и деятельности архимандрита Макария, основателя Алтайской Духовной Миссии. Бийск, 1893.

⁴³ *Ястребов И. И.* Высокопреосвященный Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский. Казань, 1898.

⁴⁴ Преосвященный Макарий (Невский), епископ Томский и Барнаульский: По поводу 50-летия его служения // Православный благовестник. 1905. Ч. 2. С. 49–65; *Беликов Д.* Высокопреосвященнейший Макарий, архиепископ Томский, как проповедник // Томские епархиальные ведомости. 1911. 117, 18, 20; Пятьдесят лет священнослужения Высокопреосвященнейшего архиепископа Макария (19 марта 1861 г. – 19 марта 1911 г.) // Томские епархиальные ведомости. 1911. № 7 – 16.

тели изучали биографии и других миссионеров: Ст. Ландышева⁴⁵, В. Вербицкого⁴⁶, М. Чевалкова⁴⁷ и т. д. Рассмотрено было значение деятельности известного педагога-филолога Н. И. Ильминского⁴⁸.

Говоря об исследованиях по истории Алтайской духовной миссии, нельзя не упомянуть работы внучки прот. Стефана Ландышева Александры Ивановны Макаровой-Мирской. Благодаря своим близким родственным отношениям, она имела возможность слушать лично рассказы и воспоминания сотрудников миссии. Открыты были для нее и семейные архивы. Таким образом, в ее многочисленных работах повествуется о событиях на Алтае, начиная с основания Миссии. Наиболее значимы ее произведения «Апостолы Алтая», «Алтайские рассказы», «На служении Алтаю»⁴⁹. Однако А. И. Макарова-Мирская не была в собственном смысле историком, поэтому ее работу можно охарактеризовать как литературно-художественную иллюстрацию событий в Алтайской миссии в XIX в.

Таким образом, в дореволюционной исторической литературе деятельность Алтайской духовной миссии рассматривалась в плане миссионерства Русской Православной Церкви в целом или на примере жизнеописаний отдельных ее сотрудников; а исторических трудов, где бы комплексно была представлена история миссии, не было. Этнографы и путешественники также затрагивали лишь отдельные аспекты работы миссии, в основном ее влияние на жизнь и быт инородцев.

Не могли не обращаться к теме Алтайской духовной миссии исследователи Горного Алтая в советский и постсоветский периоды. Месту и роли миссии в системе официальной политики государства, ее влиянию на культурную жизнь региона – образование, вклад в науку и искусство – много внимания уделил в своей монографии Н. С. Модоров⁵⁰. Им же опубликован ряд статей о культурно-просветительском значении деятельности миссии⁵¹. Роль Алтайской миссии в оказании медицинской помощи местному населению отчасти раскрыта в работах О. А. Гончаровой⁵² и Д. В. Кацюбы⁵³. Большой исследовательской проблемой является вопрос о том, какое влияние оказала миссия на распространение оседлости как новой формы жизнеустройства, как изменился быт и хозяйственные традиции алтайцев. Этому посвящены работы Н. А. Майдуровой, Д. И. Табаева, Н. В. Екеева, Г. П. Самаева.

⁴⁵ См.: Языков Д. Д. Протоиерей Стефан Васильевич Ландышев: Краткая биография и список трудов // Русские писатели, умершие в 1881–1884 гг. Вып. 3. СПб., 1886. С. 49–50.

⁴⁶ См.: Ивановский А. А. Алтайский миссионер протоиерей Василий Вербицкий: Некролог. М., 1891.

⁴⁷ См.: Алтайский миссионер, протоиерей Михаил Васильевич Чевалков // Томские епархиальные ведомости. 1901. № 20–22.

⁴⁸ См.: Знаменский П. В. Несколько материалов для истории Алтайской Миссии и участия в ее делах Н. И. Ильминского. Казань, 1901.

⁴⁹ См.: Макарова-Мирская А. И. Апостолы Алтая: Сборник рассказов из жизни алтайских миссионеров, в память 25-летнего служения в святительском сане Высокопреосвященного Макария, архиепископа Томского и Алтайского. Харьков, 1909; Макарова-Мирская А. И. Алтайские рассказы. Харьков, 1912; Макарова-Мирская А. И. На служении Алтаю: Повесть о жизни и деятельности Высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского, в св. зи с. де тельностью других миссионеров. Харьков, 1914.

⁵⁰ Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социальноэкономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996.

⁵¹ См.: Модоров Н. С. История и культура Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991; Он же. Культурно-просветительская деятельность Макария Глухарева (1792–1847) на Алтае // Горно-Алтайск: 70 лет: Материалы науч. – практ. конф. Горно-Алтайск, 1998; Он же. Алтайская Духовная Миссия и просвещение алтайцев (конец XIX – начало XX в.) // Просвещение на Руси, в России: Исторический опыт. СПб., 2000.

⁵² См.: Гончарова О. А. История становления и развития здравоохранения национальных районов юга Сибири в 1920–1941 гг. Томск, 1995; Она же. Культура, здоровье, здравоохранение: История народной медицины в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1999.

⁵³ См.: Кацюба Д. В. Благотворительная роль Алтайской Духовной Миссии // Этнография Алтая. Барнаул, 1996.

О созидательной деятельности миссионеров и их благотворном влиянии на культурную жизнь Горного Алтая писали в своё время Е. М. Тощакова⁵⁴, А. П. Беликова⁵⁵ и З. С. Казагачева⁵⁶. Подчеркнув роль миссии в деле создания системы образовательных учреждений, они отметили и положительные моменты, и недостатки в организации и содержании обучения. Исследователи по достоинству оценили труд тех, кто нес просвещение алтайскому народу.

Об издании трудов и переводов деятелей миссии написано немало. Ранее упоминавшийся магистр богословия протоиерей Борис Пивоваров детально разработал тему «Издательская деятельность Алтайской духовной миссии»⁵⁷.

Алтайская миссия без преувеличения «породила» первый слой алтайской интеллигенции – писателей и художников. Монография З. С. Казагачевой⁵⁸ – красноречивое тому подтверждение. Известный в Горном Алтае искусствовед В. И. Эдоков неоднократно отмечал положительную роль иконописного класса, ставшего позже мастерской, созданного при Улалинском миссионерском училище, в зарождении изобразительного искусства в Горном Алтае.⁵⁹

К истории Алтайской духовной миссии обращаются также учёные Кемеровской области, поскольку ее деятельность распространялась не только на территорию Бийского уезда, куда входил Горный Алтай, но и Кузнецкого. Доктор исторических наук Д. В. Кацюба имеет ряд публикаций по данной теме, в том числе монографию, в которой рассмотрены некоторые наиболее значимые аспекты деятельности миссии⁶⁰. Деятельности миссионерских станций на территории Горной Шории посвятили свой труд В. В. Ерошов и В. М. Кимеев.⁶¹ Не затрагивая общей проблематики деятельности Алтайской миссии, они рассмотрели историю каждого миссионерского отделения Кузнецкого «края».

Некоторый вклад в изучение истории Алтайской миссии внесла диссертация протоиерея (ныне протоиерей) Александра Реморова, защищенная в Московской духовной академии⁶². Александр Реморов описал миссионерские, просветительские, исследовательские и лингвистические труды известного алтайского миссионера Василия Вербицкого, деятельность которого высоко оценена как церковной, так и научной общественностью.

Заметным вкладом в изучение истории Алтайской миссии явилась кандидатская диссертация Н. В. Расовой, защищенная в 2002 г.⁶³ В этой работе дан обзор миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Сибири и рассмотрены основные вехи истории Алтайской духовной миссии в соответствии с хронологическими периодами. Отмечены заслуги наиболее ярких ее деятелей.

⁵⁴ См.: Тощакова Е. М. Алтайская женщина в дореволюционном прошлом // Ученые записки Горно-Алтайского НИИ-ИЯЛ. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1958.

⁵⁵ См.: Беликова А. П., Бабин В. Г. К вопросу о просвещении в дореволюционном Горном Алтае // Проблемы истории педагогики и современность. Горно-Алтайск, 1991.

⁵⁶ См.: Казагачева З. С. К истории народного образования // Кан-Алтай. 1994. Январь – март.

⁵⁷ См.: Пивоваров Б. И. Издательская деятельность Алтайской Духовной Миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1990.

⁵⁸ См.: Казагачева З. С. Зарождение алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1972.

⁵⁹ См.: Эдоков В. И. Очерки истории изобразительного искусства Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1981; Он же. Возрождение мастера. Горно-Алтайск, 1994.

⁶⁰ См.: Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия. Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998.

⁶¹ См.: Ерошов В. В., Кимеев В. М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995.

⁶² См.: Реморов Александр, протоиерей. Алтайский миссионер протоиерей Василий Вербицкий: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. богосл. Загорск, 1984.

⁶³ См.: Расова Н. В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на Алтае в XIX – начале XX в.: Дисс... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2002.

Систематическому изучению истории трех (из шести) монашеских обителей Алтайской миссии посвящена диссертация А. П. Адлыковой, защищенная в 2003 г.⁶⁴ В работе детально проанализированы статистические, экономические и другие формальные показатели существования монастырей; описаны некоторые ранее неизвестные или малоизвестные исторические факты, связанные с жизнедеятельностью обителей. Однако в задачи данной диссертации не входило исследование миссионерских и просветительских аспектов существования монастырей, что несколько отдаляет работу от решения вопроса о значении обителей в системе учреждений Алтайской миссии в целом.

Всестороннему изучению личности и деятельности основателя Алтайской миссии посвящена диссертация С.В. Нестерова⁶⁵, недавно защищенная в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. В работе собран богатый библиографический материал. Однако алтайскому периоду деятельности архимандрита Макария в работе уделено, на мой взгляд, недостаточно внимания.

Таким образом, существует обширная литература как дореволюционного периода, так и последних двух десятилетий по внутренним миссиям, в том числе по Алтайской миссии. В ученых советах защищено несколько диссертаций. В последние годы стали регулярно проводиться тематические научные конференции. В частности, Свято-Макариевские чтения на базе Горно-Алтайского государственного университета. По итогам заседаний ежегодно издаются сборники материалов⁶⁶, в которых традиционно печатается много статей о прошлом и настоящем православия на Алтае. Однако многочисленные публикации последнего времени затрагивали лишь отдельные стороны деятельности миссии, не претендуя на целостность и разносторонность исследовательской картины. В то же время без систематического описания разветвленной сети структур, их зарождения и развития, их значения невозможно создать целостное представление об истории Алтайской духовной миссии.

Решению данной исследовательской проблемы посвящена данная монография. На основе достаточно широкого круга источников (опубликованных, архивных, устных) впервые рассмотрена история создания, развития и плодотворного функционирования административных, богослужебных, просветительских и социальных структур Алтайской духовной миссии на протяжении всей ее истории. Структурное описание учреждений охватывает практически весь спектр миссионерской деятельности на Алтае. Ряд подразделений миссии (Жуланихинская и Матурская миссионерские общины, школа имени митрополита Макария, некоторые другие учебные подразделения) были изучены и описаны впервые. Также в результате экспедиционной работы были обнаружены места их расположения.

Территориально Алтайская духовная миссия располагалась в пределах нескольких субъектов Российской Федерации (в современном административно-территориальном делении). А именно Алтайский край, Республика Алтай, Кемеровская область, Республика Хакасия, а также Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан. Это в дореволюционном территориальном делении соответствует Алтайскому и Кузнецкому округам Томской губернии, Таштыпскому уезду Енисейской губернии, Семипалатинскому уезду Омской губернии.

⁶⁴ См.: Адлыкова А. П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века. Дис... канд. ист. наук. ГорноАлтайск, 2003.

⁶⁵ См.: Нестеров С.В. Жизнь и труды алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева) и актуальные основы его духовного наследия. М.: ПСТГУ, 2005.

⁶⁶ См.: Макариевские чтения: Сб. научных статей / Отв. ред. В. Г. Бабин, С. К. Носов. Горно-Алтайск, 2002; Макариевские чтения: материалы второй международной конференции / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2004; Макариевские чтения: Материалы третьей международной конференции / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2004; Макариевские чтения: Материалы четвертой международной конференции / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2005; Макариевские чтения: Материалы пятой международной конференции / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2006.

В монографии рассматривается период с первой половины XIX по первую четверть XX в., с момента основания Алтайской духовной миссии (1830) до упразднения всех ее структурных подразделений – станов, храмов, школ, приютов (1919). К сожалению, официальных документов о завершении деятельности Миссии не сохранилось. Однако показателен факт о досрочном завершении учебного года в Бийском Катехизаторском училище. Это произошло в марте 1919 г. Можно считать этот срок фактическим прекращением деятельности Алтайской духовной миссии. Хотя многие сотрудники: начальник миссии епископ Иннокентий, священники, учителя-сотрудники еще какое-то время оставались на своих местах и продолжали служение. Тем не менее вся многофункциональная структура, созданная алтайскими миссионерами-подвижниками, уже не могла полноценно существовать.

В настоящее время, когда возрождение разнообразных форм духовного просвещения становится главной задачей Церкви, результаты изучения огромного и успешного опыта внутренних миссий на примере Алтайской приобретают важное практическое значение. Настало время восстановить исторически справедливое представление о священниках-миссионерах, воссоздать полноценную картину возникновения и развития Алтайской духовной миссии как примера для подражания настоящим и грядущим поколениям верующих. Особенно ценно, что алтайским миссионерам в процессе своей деятельности удалось перенести на сибирскую землю метод святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, так называемый метод инкультурации. Этот метод позволил не только осуществлять процесс воцерковления коренных народностей Горного Алтая, первоначально далеких от христианского миропонимания, но и дать им письменность, школы, письменную и изобразительную культуру; не только приобщить их к великой восточноевропейской культуре, но и сохранить в процессе христианизации национальную культурную самобытность.

Выражаю глубокую признательность и благодарность протоиерею Борису Пивоварову, Н. В. Расовой, Т. К. Щегловой, А. Б. Ефимову, А. В. Семенову, дьякону Филиппу Ильяшенко, Т. В. Скворцовой, А. С. Орехову и монахине Хариесе, оказавшим неоценимую помощь в работе над книгой.

Глава 1

Основание Алтайской духовной миссии и первый миссионерский стан

Проповедь христианства до создания миссии

Огромная территория Сибири постепенно осваивалась переселенцами, шедшими вслед за казачьими отрядами, землепроходцами и мореходами. По пути их продвижения строились остроги и города, где воеводы, возглавлявшие военные гарнизоны, и чиновники выполняли функции царской администрации. Целенаправленную политику по присоединению Западной Сибири проводил Иван IV. Официально эти земли вошли в состав России к концу XVI в. Присоединение Восточной Сибири происходило в первой половине XVII в. Окраинные территории на юге, востоке и северо-востоке Сибири вошли в состав России во второй половине XVII в. Камчатка и прилегающие к ней острова – в конце XVII – первой половине XVIII вв.⁶⁷ Начиная с XVII столетия Сибирь стала одним из главных районов миссионерской деятельности Русской Православной Церкви.

Известный историк Сибири Г. Ф. Миллер считал, что «польза государства» требовала просвещения «идолопоклоннических» народов. Присоединение земель к востоку от Урала, по его мнению, завершением формирования многонационального и огромного по площади Российского государства. Он показал, что включение этой территории в состав империи происходило гуманными средствами, а насилие было лишь крайней и исключительной мерой⁶⁸. В связи с этим сложный и неоднозначный процесс включения Сибири в состав Русского государства имеет принципиальные отличия от колонизации, например, европейцами американского континента. Последняя сопровождалась уничтожением памятников культуры аборигенов, их физическим истреблением.

В Сибири все было иначе: коренное население благодаря общению с русским народом усвоило прогрессивные трудовые навыки, получило письменность. С XVII в. общая численность народностей Сибири увеличилась в четыре раза. Вхождение Сибири в состав России означало ликвидацию её изолированности в экономике, политической жизни и культуре коренных жителей этого региона⁶⁹, в том числе и алтайских кочевников. Так, Л. П. Потапов утверждал, что «путь для самостоятельного исторического развития алтайцев в то время был исключен ввиду крайне низкого уровня развития племен, изолированных друг от друга». Он считал, что вхождение алтайцев в состав Российского государства было «исторически перспективным событием», так как из соседствующих с Горным Алтаем территорий Россия обладала наиболее высокой культурой⁷⁰.

Одновременно с присоединением Сибири к России началось и распространение здесь православия: ведь те, кто приходил на земли «иноверцев», были носителями христианской культуры. Ермак во время своего похода в сибирские земли (1580–1581 гг.) имел при себе трёх священников и монаха. Как свидетельствует Ремезовская летопись, он соорудил весной 1579 г. на месте своего первого зимовья у р. Сылвы часовню во имя святителя Николая. Однако Р. Г. Скрынников, не отрицая этого факта, считает, что не следует приписывать

⁶⁷ См.: История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 25–55.

⁶⁸ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 42–43.

⁶⁹ См.: Демидов В. А. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996. С.12; История Сибири. Т.1. М.; Л., 1937. С.7.

⁷⁰ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. С. 182183.

казакам Ермака несвойственную им роль «борцов за православную идею»: они пришли в Сибирь «с мечом, а не крестом»⁷¹. Тем не менее при закладке в 1586 г. первого русского города в Сибири – Тюмени, – одновременно строились два храма⁷².

За несколько десятилетий русские прошли от Уральских гор до берегов Тихого океана. С 1590 г. Сибирью стал управлять Посольский приказ. В 1620 г. здесь была образована первая епархия – Тобольская – во главе с архиепископом Киприаном (Старорусенковым)⁷³. В 1604 г. был построен Томский городок, в 1618 г. в верхнем течении реки Томи выросло новое укрепление – Кузнецкий острог (крепость, ныне город Новокузнецк Кемеровской области). В острогах и городках казаки и стрельцы несли караульную службу, охраняли окрестное население от нападений войск кочевых феодалов. Началось практическое освоение предгорных районов Алтая и Саян. Весной 1632 г. томский воевода снарядил отряд служилых людей и послал его в глухую таежную часть Северо-Восточного Алтая, к истокам Бии и берегам Телецкого озера, для сбора ясака (натурального налога с коренных жителей). Руководил отрядом боярский сын Феодор Пуцин. Однако он не смог пройти весь путь. К осени его отряд добрался только до широты Барнаула и был вынужден вернуться назад.

Одновременно к Телецкому озеру был послан отряд казаков под начальством боярского сына Петра Собанского. Он шел другим путем – через отроги Южного Салаира. Кочующий телеутский князь, приверженец феодального государства Джунгарии, пытался задержать отряд, но казаки развеяли кочевников и достигли места выхода Бии из Телецкого озера. Хождение в Алтайские горы становится регулярным. В 1639 г. на берегах озера побывал кузнецкий атаман Петр Дорофеев. Через три года он вновь вернулся сюда, но не задержался. В том же 1642 г. на зиму у Телецкого озера остался со своим отрядом П. Собанский. Ему было приказано тщательно ознакомиться с озером и в удобном месте построить крепость, «в коей бы можно содержать порядочный гарнизон». Постоянную крепость на Телецком озере он не решился строить из-за неудобства местности, но предложил построить ее на реке Лебедь. Таким образом, в первой половине XVII в. на Алтае стали возникать временные укрепленные места, острожки, маленькие крепости.

Дальнейшая судьба Алтая полностью связывается с Россией. Коренное население влиялось в состав многонационального Русского государства, более высокого по своей социальной и культурной организации. Присоединение Сибири к России не только было значительным политическим актом, но и имело большое историческое значение, как начало хозяйственного и производственного освоения этой огромной территории, потенциальные возможности которой были открыты лишь с приходом сюда русских. Точную дату начального проникновения оседлого русского крестьянства на юг Западной Сибири, в частности на территорию современного Алтайского края, очень трудно установить. Есть ряд косвенных свидетельств о том, что крестьяне основывали здесь свои деревеньки еще в конце XVII в. Скорее всего, первыми поселенцами были крестьяне-раскольники, бежавшие из Центральной России. Поэтому среди жителей вновь образующихся поселений, среди заводских и рудничных служащих доля раскольников была велика.

В самом начале XVIII в. ряд новообразованных деревень фиксируется документально. Постепенно эти земли были освоены, включены в хозяйственный оборот и закреплены за Россией. В первой половине XVIII в. русские поселения едва достигали подошвы Алтайских гор, примыкая к ним вдоль больших рек: Иртыша, Чарыша, Томи и Бии. Главными пунктами русских были на р. Томи – Кузнецкий острог (основан в 1618 г.), на р. Бии – Бика-

⁷¹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 138, 187–188.

⁷² См.: Кацюба Д. В. Алтайская Духовная Миссия: Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 40.

⁷³ См.: Поплавская Х. В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае // Этнографическое обозрение. М., 1995. С. 100.

тунская крепость (1709), и на реке Иртыш – Усть-Каменогорская крепость (1720). В 1718 г. полковником Ступиным была основана Семипалатинская крепость. Первоначально крепости не были связаны между собой, и сообщение было крайне затруднено. Большую часть передвижений казаки совершали по реке, а это было, как правило, вдвое или втрое длиннее прямого расстояния по суше⁷⁴.

Постепенно, на протяжении 50–60-х гг. XVIII столетия, между этими укрепленными пунктами был выстроен сплошной ряд крепостей, форпостов, редутов, представлявших собой две линии. Кузнецкая казачья линия, основанная в 1755 г., соединяла Кузнецк с Колывано-Воскресенскими заводами А. Н. Демидова. Вторая линия соединяла Колывано-Воскресенские заводы с Иртышом. В 60-х гг. XVIII в. часть Кузнецкой линии была усилена редутами, идущими от Бийска, и переименована в Бийскую казачью линию. Позднее, в связи с окончательным вхождением Алтая в состав России, оборонительные сооружения были сдвинуты южнее. Новая линия получила название Колывано-Кузнецкой. Она шла от Усть-Каменогорска через ряд форпостов (Красноярский, Убинский, Тигирецкий, Чарышский, Антоньевский) и крепостей (Ануйская, Катунская, Бийская) до города Кузнецка⁷⁵.

С созданием оборонительных линий экономическое развитие новой территории пошло значительно успешнее. Активное освоение и динамичное развитие региона в свою очередь стимулировало строительство богослужебных сооружений. Инициатором возведения церквей в заводских поселках в этот период выступала горная администрация. Так, например, первый начальник Колывано-Воскресенских заводов А. В. Бээр вошел с предложением в Кабинет и Тобольскую епархию о строительстве церкви в поселке Барнаульского завода, который должен был стать административным центром нового края (г. Барнаул ведет свою историю с 1730 г.). Первый настоящий храм был построен в 1750 г., и тогда же митрополит Тобольский и Сибирский Сильвестр предписал его освятить. В той же грамоте он повелевал «духовному правлению быть в Барнауле, а не в Кузнецке». А 10 мая он сообщил об этом Консistorии. С этого момента, можно считать, начинается официальное развитие приходской структуры на Алтае.

История храмов, принадлежавших Барнаульскому духовному правлению, начинается с Бийской крепости (позднее – г. Бийск), жители которой и позднее, по свидетельству очевидцев, отличались особой набожностью и духовностью. И. Шредер в «Моих путешествиях по сибирскому Алтаю», впервые изданных в Лозанне в 1896 г., писал, что город Бийск отличается от прочих в Томской губернии большим количеством православных церквей; все храмы содержались в образцовом порядке и почитались местными жителями, а обыватели города были весьма доброжелательными и набожными людьми.

Летом 1719 г. служилыми казаками Бикатунской крепости была срублена небольшая часовня. «Малые колокольцы да алтарные образа» были привезены для нее из Кузнецкой крепости, а большой колокол и прочая церковная утварь – из Тобольской⁷⁶. Таким образом, часовня была построена уже на следующий год после постройки новой крепости (прежнюю крепость сожгли джунгары). Такая поспешность объяснялась отдаленностью ее от ближайшего приходского храма, что было очень неудобно для удовлетворения духовных нужд жителей. Этот фактор был важнейшей движущей силой для разрастания системы приходов на осваиваемых землях и при вновь построенных заводах⁷⁷. К началу 1736 г. на территории края было срублено три храмовых постройки, которые «обретались более чем за двести верст»

⁷⁴ См.: Колоткин М. Н. Христианизация алтайцев в XVIII в. // Макариевские чтения: Материалы второй международной конференции / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2004. С. 23.

⁷⁵ См.: Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск, 1898. С. 44.

⁷⁶ См.: Исупов С. Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999.

⁷⁷ См.: Маняхина М. Р. История культовой архитектуры Алтая 18 – начала 20". Барнаул, 1999. С. 25.

друг от друга⁷⁸, в том числе часовня в Бикатунской крепости и церковь в Белоярском остроге. Третьей была церковь Воскресения Христова, построенная в поселке Колыванского медеплавильного завода (теперь это рабочий поселок Колывань Курьинского района Алтайского края).

К 1748 г. на территории будущего Барнаульского Заказа было шесть церквей⁷⁹. Таким образом, число православных храмов на протяжении всего этого периода продолжало оставаться небольшим, несмотря на объективные предпосылки, способствующие быстрейшему развитию системы приходов: территория продолжала активно заселяться, количество населения, нуждавшегося в церковной молитве, быстро росло. Это объясняется позицией горнозаводского начальства, не желающего тратить много денег на «второстепенные расходы». Однако переход демидовских заводов в императорскую собственность и образование в Барнауле Духовного правления дало мощный импульс этому процессу.

Алтайцы кочевали южнее русских пограничных линий. Уже с начала XVIII в. алтайцы начали переходить в русское подданство. Это было вызвано, с одной стороны, обострением противостояния джунгарских феодалов Цинской империи, а с другой стороны – угрозой порабощения алтайцев Цинской империей. В 1707 г. алтайские «князцы» отправили посольство в Томск с обещанием принять русское подданство со всем народом при условии защиты их от китайцев⁸⁰. Согласно исследованиям ученого из Новосибирска М. Н. Колоткина, наибольший расцвет миссионерской деятельности на Алтае в XVIII в. приходится на 50-70-е гг.⁸¹.

В 1754 г. протопоп Симеон Мефодиев сообщил в Тобольск о 47 инородцах, принявших крещение. У всех крестившихся восприемниками были служивые казаки Бикатунской крепости⁸². В доношении протопопа Симеона Шелковникова говорится о крещении в 1757 г. в районе Телецкого озера 82 телесов в возрасте от одного до 74 лет. Все крестившиеся получили русские имена⁸³. В том же 1757 г. протопоп Василий Иванов из Барнаульского духовного правления произвел крещение 144 человек из числа алтайцев при Колывано-Воскресенском заводе⁸⁴. Здесь крестились в основном семьями, а среди крестных отцов подавляющий процент составляли служивые казаки Колывано-Кузнецкой линии. Все аборигены при крещении были «обучаемы краткими молитвами», и все они «дабы соблагодостойно было оным новокрещеным за принятие святого крещения, были пожалованы трехлетней льготой и вознаграждением»⁸⁵.

Но наибольшее число «инородцев» было крещено в 1758 г. Протопоп Василий Русанов и архимандрит Михаил в том году окрестили 775 бывших подданных «Зенгорской земли», из них алтайцев было около 100 человек. В Бийской крепости тогда было крещено 16 человек (4 семьи). 84 телеута крестились в Усть-Каменогорске. Наличие среди восприемников значительного числа служилых людей дает основание полагать, что не специально призванные миссионеры, а священники крепостей и укрепленных казачьих линий с преданными им служилыми казаками играли ведущую роль в деле распространения христианства среди инородцев Алтая в XVIII в. В подтверждение этому добавим, что в период с 1763 по 1789 гг. во всей Тобольской епархии насчитывалось всего два священника, призванных зани-

⁷⁸ См.: Там же. С. 16.

⁷⁹ ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 182. Л. 350.

⁸⁰ См.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 364.

⁸¹ См.: Колоткин М. Н. Христианизация алтайцев в XVIII в. // Макариевские чтения: Материалы второй международной конференции / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2004. С. 24–26.

⁸² ГА ТОТ. Ф. 156. 1754 г. Д. 84. Л. 3–6.

⁸³ Там же. Д. 111. Л. 3, 5–8.

⁸⁴ Там же. Д. 118. Л. 3 – 18.

⁸⁵ Там же. л. 15.

маться миссионерской деятельностью, да и то деятельность их была прекращена в 1789 г. специальным постановлением Синода⁸⁶.

Общая численность принявших крещение алтайцев в XVIII в. составляет примерно 500 человек. Таким образом, в XVIII в. было положено начало миссионерской деятельности. Наибольшего же размаха миссионерство на Алтае достигло лишь в XIX столетии, когда была образована Алтайская духовная миссия.

⁸⁶ См.: *Вербицкий В. И.* Очерк деятельности Алтайской Духовной миссии по случаю 50-летнего ее юбилея (1830–1880) // Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, 1885. С. 142.

Приезд архимандрита Макария (Глухарева) и выбор места для стана

В 1828 г. Святейший Синод для просвещения «инородцев» Сибири учредил особую миссию в Тобольской епархии и тогда же поручил преосвященному Евгению (Казанцеву), архиепископу Тобольскому, выявить наиболее способных добровольцев из числа духовенства его епархии. В то время архимандрит Макарий был насельником Глинской пустыни и, как только узнал о просьбе владыки Евгения, тотчас решился ехать миссионером в Сибирь. Отец Макарий подал прошение в Синод и вскоре был направлен в Тобольскую епархию.

В первой половине XIX в. путь на Алтай был весьма затруднителен и занимал длительное время. Из Тобольска в Барнаул архимандрит Макарий добирался в течение трех недель. В центре Алтайского Горного округа начальник Алтайской духовной миссии провел несколько дней. Здесь у него состоялись интересные встречи и знакомства⁸⁷. В первую очередь его принимали соборный протоиерей Созонт Куртуков и бывший томский губернатор П. К. Фролов, который уже готовился передавать дела новому губернатору. Фролов, помимо губернаторских функций, исполнял должность начальника Алтайского Горного округа, поэтому несколько месяцев в году проводил в Барнауле.

Отец Макарий и П.К. Фролов нашли множество интересных тем для общения. Оба интересовались древними языками. Фролов как дорогому гостю показал архимандриту Макарию музей горного дела, где имелась также богатая коллекция древностей, в том числе и древних рукописей. До сих пор в Алтайском краеведческом музее (так теперь называется бывший музей горного дела) хранится памятная собственноручная надпись архимандрита Макария, свидетельствующая о личном посещении музея: «Августа 24, 1830 г. Дивны дела Твои, Господи. Вся премудрости сотворил еси, исполнися земля Славы Твоя. Посланный на испытание с проповедию слова благодати евангельской народам нехристианским в Тобольской епархии, Архимандрит Макарий»⁸⁸.

Благодаря П. К. Фролову в Барнауле состоялась еще одна очень важная для архимандрита встреча. Губернатор приложил большие усилия для создания в Барнауле значительного архитектурного ансамбля Демидовской площади. В этом ансамбле достойное место занимала Свято-Димитриевская церковь. На ее строительство Фролов сделал довольно много личных пожертвований. В 1830 г. близилось к завершению строительство храма. Шла роспись стен, которую по личной просьбе губернатора выполнял академик живописи из Петербурга М. И. Мягков. Работа художника была высоко оценена преподобным Макарием. Несколько лет спустя Мягков, по просьбе архимандрита Макария, написал иконы для походного миссионерского иконостаса. На прощание с архимандритом Петр Кузьмич Фролов пообещал на собственные средства изготовить священные сосуды для миссионерской походной церкви⁸⁹.

Изъявил желание помогать законными средствами миссионерству и новый томский губернатор: «Господь да увенчает труд ваш добрым успехом!» – были его слова, записанные в дневнике архимандрита Макария. Однако имя нового губернатора в документе не указано. Скорее всего, эти слова принадлежали Евграфу Петровичу Ковалевскому – большому другу

⁸⁷ См.: Крейдун Ю.А. Деятельность архимандрита Макария на Алтае // История Православия на Алтае: Сб. статей. Барнаул / Ред. – сост. Ю. А. Крейдун, К. Н. Метельницкий. Барнаул, 2001. С. 11.

⁸⁸ Цит. по: Метельницкий К. Н. О пребывании архимандрита Макария в г. Барнауле // История Православия на Алтае: Сб. статей. Барнаул / Ред. – сост. Ю. А. Крейдун, К. Н. Метельницкий. Барнаул, 2001. С. 9.

⁸⁹ См.: Записки, находящегося в Бийском округе для обращения иноверцев к христианству, архимандрита Макария и братьев его // Сборник исторических материалов о жизни и деятельности архимандрита Макария Глухарева. Орел, 1897. С. 19.

миссии. Он принял губернаторский пост от Фролова как раз в те годы, когда на Алтай приехал архимандрит Макарий.

Радужным к миссионерскому делу был и барнаульский протоиерей Созонт Куртуков. Тем более что начальник миссии от Святейшего Синода был наделен особыми полномочиями.

При архимандрите Макарии было сопроводительное письмо, в котором регламентировались взаимоотношения благочинного и миссионеров⁹⁰. С письмом высылались 990 руб. архимандриту Макарию для путевых и иных нужд учреждающейся миссии. Миссионерам рекомендовалось учиться языку инородцев, их обычаям, со временем переводить на их язык книги Священного Писания, в первую очередь Новый Завет, Псалтырь, основные молитвы и понятия Катехизиса. Все возникающие недоумения предписывалось разрешать непосредственно через письменные рапорты и прошения преосвященному Евгению, епископу Тобольскому. Основным руководством в миссионерской деятельности должна была служить инструкция Святейшего Синода 1769 г. Барнаульскому духовному правлению предписано указом, чтобы местные священно- и церковнослужители, где будет находиться отец Макарий, позволяли ему в своих церквях богослужение, когда он сего пожелает сам, и при этом оказывали ему всевозможное пособие во всех его нуждах и исполняли беспрекословно законные его требования (полный текст письма приводится в приложении).

На прощание с Барнаулом протоиерей Созонт снабдил о. Макария рядом предметов, необходимых для совершения богослужения. Протоиерей Созонт с 1810 г. служил в должности заказчика (начальника) Барнаульского духовного правления. Примечательно, что в 1821 г. ему первому из алтайского духовенства, был пожалован наградной наперсный крест. С 1834 г. о. Созонт был назначен протоиереем Томского кафедрального собора⁹¹.

Отец Макарий, прибыв в Бийск 29 августа 1830 г., остановился в доме священника о. Петра Синкина, которого потом называл постоянным своим благодетелем. С 1 сентября была снята квартира у одного казака, за 15 руб. в месяц, «на хозяйском служении и отоплении»⁹².

Жизнь небольшой общины первых алтайских миссионеров устраивалась по ими же составленному уставу. Эти правила были подписаны как архимандритом Макарием, так и его сотрудниками – Алексеем Волковым и Василием Поповым – и утверждены тобольским епископом Евгением⁹³.

Первый выезд в Горный Алтай состоялся уже через несколько дней. 7 сентября 1830 г. в Улале был крещен юный инородец Элеска, в крещении получивший имя Иоанн, что в переводе с еврейского означает «благодать Божия». Этот день, в связи с первым крещением, стал считаться днем рождения Алтайской духовной миссии. 11 сентября вместе с новокрещеным

⁹⁰ ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 98. Л. 270-271об.

⁹¹ См.: *Беликов Д.И.*, протоиерей. Томские старинные духовные начальники (заказчики): Исторический очерк. Томск, 1906. С. 56–64.

⁹² ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп.1. Д. 5. Л. 2 об.

⁹³ Правила миссионерского общежития были следующими: «а) Желаем, да будет у нас нее общее, деньги, пища, одяние, книги и прочие вещи, и сия мера да будет для нас удобностию в стремлении к единому. б) Желаем тому из нас, которому определением Начальства будет поручено особенное попечение о деле проповедания, повиноваться по правилам иноческого общежития, как в поручениях, относящихся к проповеданию, так и в других отношениях и случаях. Он же должен во всех своих распоряжениях руководствоваться также правилами общежития иноческого и теми постановлениями, какие мы от Начальства приимем за руководство в служении проповедания. в) Желаем принимать от него наставления с вниманием, смирением и любовью; а его наставления должны проистекать из Слова Божия и быть согласными с учением церкви Восточной Греческой. г) Желаем быть пред ним искренними и откровенными в чистом исповедании помыслов и искушений наших, и вместе с ним учиться у Господа уклоняться от зла и творить благое; он же обязуется всякое исповедание таковое погружать в бездну милосердия Божия, отнюдь не обличать явно того, что ему открываемо будет за тайну, как во исправительных, так и во всяких других мерах своих действовать в смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхождения к братьям, и беспристрастно принимать от них благонамеренные советы, полезные замечания, кроткие напоминания, в случаях погрешительности поступков своих искренне виниться пред ними и просить у них прощение и пособие к исправлению своему» (ЦХАФ АК. Ф. 164. Он. 1. Д. 5. Л. 2 об.).

миссионеры вернулись в Бийск. Еще через три дня архимандрит совершил свою первую литургию на Алтае и приобщил Святых Христовых Тайн Элеску (Иоанна).

Крещение Элески (Иоанна) состоялось благодаря крещеному инородцу Иеремии (Параеву – по роду, и Шишкову – по восприемнику). Будучи в Бийске по делам, он встретил только что приехавшего о. Макария и рассказал, что в его доме живет молодой инородец Элеска, который от него самого узнал о Христе и изъявлял желание креститься. Что и было сделано, а восприемником Элески-Иоанна стал Иеремия Шишков-Параев⁹⁴.

Пребывание миссионеров в Бийске было затруднительным. Во-первых, город был несколько удален от мест, где проживала основная часть алтайского инородческого населения; во-вторых, в маленьком городке, которым в то время был Бийск, найти помещение для миссии было крайне трудно.

Архимандрит Макарий активно начал путешествовать по Алтаю в поисках удобного места для миссионерского стана. В первую очередь он посещает казачьи редуты и форпосты, рассчитывая на гостеприимство казаков. Уже в середине сентября о. Макарий посетил Антониевский форпост (120 верст от Бийска). Прибыл он туда 18 сентября. Здесь миссионер безуспешно попытался встретиться с отставным казаком Кудьяровым, хорошо знающим наречия здешних калмыков. Местное население – калмыки – очень редко бывали в форпосте, и «места кочевания их далеки от сего места»⁹⁵. После Антониевки о. Макарий поехал через Бийск в Сайдыпский форпост, куда прибыл 28 сентября. Поначалу жители форпоста отнеслись к приезду священника равнодушно. Но через некоторое время для него было подыскано удобное помещение, и, кроме того, старшие из казаков решили произвести ремонт часовни, чтобы в любое время года можно было совершать богослужение. Здесь же крещеный татарин Иван Еремеев и отставной казак Федот Меньшиков перевели архимандриту Макарию на местное наречие молитву «Отче наш» и Десять заповедей Моисея.

После недолгих размышлений миссионеры приняли решение провести ближайшую зиму в Сайдыпе, поскольку, как писал архимандрит в дневнике, «1) удобно можем поставить церковь походную в здешней часовне; 2) с пользой для себя и для жителей сего места упражняться в богослужении; 3) находим здесь знатоков наречия татарского, а Федот Меньшиков и калмыцкое знает; 4) многие жилища татар к сему форпосту близки, а притом: 5) и квартиру удобную иметь здесь надеемся, и 6) для сношений с Бийском Сайдыпский форпост представляет в правильной казачьей почте самые верные постоянные способы»⁹⁶. Вместе с тем архимандрит в дневнике отмечает, что более целесообразно было бы находиться в Улале, но до зимы нет возможности организовать там место для походной церкви. К тому же между Улалой и Бийском нет регулярного почтового сообщения.

По дороге из Сайдыпа в Бийск миссионеры посетили редуты Лебяжий, Новиковский и Семеновский. В Бийске снова возникла квартирная проблема. Казак Чигичев значительно повысил цену – до 45 руб. в месяц, и о. Макарий еще раз вынужден был воспользоваться гостеприимством о. Петра Синкина. Через две недели, 17 октября, была арендована квартира в доме титулярного советника П. И. Бабина.

Приближалась зима, и архимандрит Макарий готовился к новым поездкам. Он планировал к празднику Рождества Христова побывать в Улале, а потом до конца февраля быть в Бийске, где хотел познакомиться с инородцами, сдающими в Бийске в феврале ясак. Затем предстояла поездка в Сайдып, где о. Макарий планировал провести Великий пост до открытия летнего дорожного сезона. 3 декабря миссионеры ночевали в Тарханском (Быстрянка).

⁹⁴ См.: Памяти миссионера, протоиерея Стефана Васильевича Ландышева // Томские епархиальные ведомости. 1884. 1 17. С. 2.

⁹⁵ Записки находящегося в Бийском округе для обращения иноверцев к христианству архимандрита Макария и братьев его // Сборник исторических материалов о жизни и деятельности архимандрита Макария Глухарева. Орел, 1897. С. 19.

⁹⁶ Записки находящегося в Бийском округе... С. 21.

На следующий день посетили Усть-Ишу. Затем – Нижний Карагуж, Верхний Карагуж и Барду. Через неделю после отъезда из Бийска прибыли в Улалу. По дороге совершали крещения, напутствие святыми тайнами, молебны. В Бийск вернулись 21 декабря. В конце декабря о. Макарию из Барнаула от П.К. Фролова пришли оловянные сосуды для совершения литургии⁹⁷, а в начале февраля 1831 г. от протоиерея Созонта – комплект богослужебных книг. Таким образом, была полностью укомплектована миссионерская походная церковь. Выехали из Бийска 19 февраля. По дороге проезжали редут Новиковский и деревню Ненинскую. В последней окрестили пять младенцев. 21 февраля прибыли в Сайдып, а 23-го установили в местной часовне иконостас походной церкви.

В начале марта по просьбе сайдыпцев солтонский священник о. Симеон благословил временно исполнять обязанности приходского священника в Сайдыпе архимандриту Макарию. Первая литургия в миссионерской походной церкви была совершена 28 февраля 1831 г. После Пасхальной седмицы сошел снег, открылись дороги, окончилась весенняя распутица, и 2 мая 1831 г. архимандрит Макарий покинул Сайдып. Местные жители «проводжали походную церковь миссии с пением духовных песней»⁹⁸.

Жители Сайдыпа уговаривали о. Макария избрать их селения для расположения миссионерского стана. Но архимандрит не видел среди здешних черневых татар такой склонности к христианству, которая была среди татар, кочующих южнее Бии. В районе Улалы было гораздо больше новокрещеных, требовавших пастырского окормления. Тем не менее на прощание о. Макарий сказал сайдыпцам: «...верстах в двух от их форпоста, вверх по Бие, на самом берегу их прекрасной реки, есть место от наводнения безопасное, рыбою и лесом сосновым богатое и по всем видам живописной окрестности великолепное, которое для главного местопребывания Миссии в иное время было бы весьма благоприятно»⁹⁹.

Первый миссионерский стан суждено было создать в окрестностях селения Майма, здесь было более удобное в географическом смысле расположение. В Майму о. Макарий прибыл 23 мая 1831 г. А в праздник Вознесения здесь была отслужена в походной церкви первая Божественная литургия. Середину июня архимандрит провел в Бийске, а в июле стал посещать окружающие селения. Был в Таште, Верхнем Карагуже. В августе на праздник Преображения Господня в Майму съехались многие новокрещеные. После литургии совершили крестный ход на реку Майму для водоосвящения. Так архимандрит Макарий определился с местом первого стана Алтайской духовной миссии. Из Маймы о. Макарий по-прежнему совершал дальние поездки. В конце ноября – начале декабря 1831 г. он посетил села Смоленское, Верх-Ануйское, Антониевский форпост, Сарасу.

Вместе с тем в 1831 г. архимандрит Макарий получил официальное разрешение распространять свою миссионерскую деятельность и на территорию Кузнецкого округа, инородцы которого также стали принимать крещение¹⁰⁰. Вот как описывает архимандрит Макарий место для первого миссионерского стана на Алтае: «Климат почти малороссийский; рыба в преизбытке; земля для хлебопашества и скотоводства способнейшая; дров в лесу множество; пчеловодство цветущее. Найма от Бийска верст 80» (27 ноября 1831 г.)¹⁰¹. «Миссия имеет стан свой, можно сказать у врат Алтая, в селении, которое по устью р. Маймы, впадающей здесь в Катунь, называется Усть-Майминским» (8 ноября 1834 г.)¹⁰². «В

⁹⁷ От П. К. Фролова был, получены: потир, дискос, звездица, лжица, ковшичек и тарелочка с изображением Знамени Божией Матери (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. Л. 18 об.).

⁹⁸ Извлечения из путевых записок миссионера архимандрита Макария // Памятник трудов благовестников русских с 1793 по 1853 г. М., 1857. С. 123.

⁹⁹ Там же. С. 124.

¹⁰⁰ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹⁰¹ Письма архимандрита Макария, основателя Алтайской Миссии / Под ред. К.В. Харламповича. Казань, 1905. С. 244.

¹⁰² Там же. С. 155.

этом стане, умеренно устроенном от селения, есть огород весьма пространный; две реки под рукою: местоположение и окрестности великолепны» (3 декабря 1835 г.)¹⁰³.

¹⁰³ Там же. С. 268.

Характер административной и просветительской деятельности архимандрита Макария

Чрезвычайно сложным был первый период – основание миссии архимандритом Макарием (Глухаревым). Отправляясь в далекий Алтай, основатель миссии отказался от материального вознаграждения за свои миссионерские труды. Единственным стабильным источником дохода была его магистерская стипендия 350 руб. в год, но скудость средств не стала препятствием для проповеди Евангелия. За 14 лет пребывания архимандрита Макария в должности начальника миссии было заведено три миссионерских стана: в Майме (1831), Улале (1834) и Мыюте (1839). Однако постоянно действующим был только один из них – Улалинский, который ко второй половине 1830-х гг. стал центральным. Богослужения при архимандрите Макарии совершались в обычных домах или избах.

Основная же заслуга преподобного Макария не просто в крещении инородческого населения Горного Алтая, а в создании условий для полноценной церковности в среде новокрещеных. Отец Макарий начал прививать алтайцам глубокую веру; первые христиане-алтайцы восприняли непривычный для них оседлый образ жизни, включающий в себя весь комплекс церковных правил и обычаев.

Многое делал архимандрит Макарий для приведения алтайцев к оседлости и для благоустройства их быта. Он никогда не довольствовался крещением и научением истинам христианства. Каждого новокрещеного, как семьянина, архимандрит старался обзавести или домиком, или скотиной, или земледельческими орудиями, соображаясь со скудными средствами миссии. Селил кочевых алтайцев поближе к стану и приучал к оседлой жизни. Таким образом, благоустроявая быт новокрещеных, о. Макарий представлял земскому исправнику списки, за каждого прося ходатайствовать перед Казенной палатой о приведении в исполнение «Мнения Государственного Совета, Высочайше утвержденного 17 июня 1826 года о даровании иноверцам, принимающим св. крещение трехлетней льготы от платежей всех податей». Он также исходатайствовал для новокрещеных, живущих в Бийском округе, освобождение от включения их в состав крестьянских волостей. Алтайцы оставались по-старому в ведении особой инородческой волости, что освобождало их от некоторых трудноисполнимых крестьянских обязательств перед властью. Впрочем, архимандрит Макарий был постоянным ходатаем и перед гражданской, и перед духовной властью, как «отец за чад своих, рожденных им в духовную жизнь»¹⁰⁴.

Важным административным достижением первого начальника Миссии было предписание епархиального начальства приходским священно- и церковнослужителям: безвозмездно и беспрепятственно исполнять все требы у новокрещеных алтайцев, без взимания с них руги или других форм материального вознаграждения. Кроме того, было предписано, чтобы приходские священники по требованию о. Макария являлись для венчания инородческих браков в походную церковь Миссии. Данное предписание утратило силу лишь тогда, когда у архимандрита появились свои помощники в священном сане.

Основателю миссии передавались «бланковые билеты на взимание подвод без платежа прогонов», которые были сначала в одном экземпляре от земского исправника, а с 1838 г. эти билеты получались в двух экземплярах от томского губернатора¹⁰⁵. Позднее прогонные билеты также выделялись на миссию, их выдавал томский губернатор по представлению епархиального архиерея.

¹⁰⁴ ЦХАФ АК. Ф.164. Оп.1. Д.5. Л. 12, 12 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 21.

В начале XX в. бесплатные прогоны для миссионеров были отменены.

Примечательно, что архимандриту Макарию довольно быстро удалось найти себе надежных помощников из местных жителей, как русских, так и алтайцев. В числе таковых был бийский исправник Федор Андреевич Серебренников, часто сопровождавший архимандрита в поездках. А один из новокрещенных – демич Байлагас – выразил готовность «убеждать инородцев к принятию христианства», за что ему было преподано по ходатайству архимандрита Макария благословение Святейшего Синода¹⁰⁶.

С особым вниманием относился архимандрит Макарий к нравственной стороне быта новокрещенных. Соблюдение постов, регулярное говение (исповеди и причастия) и посещение церковных богослужений были обычными в среде воспитанников основателя миссии. Для достижения этого миссионеру приходилось вникать во все тонкости образа жизни новокрещенных, воспитывать как у мужчин, так и у женщин навыки ведения домашнего хозяйства. Но особенно значимым средством создания крепких христианских семей был «институт» восприемничества. Отец Макарий не совершал крещения «инородцев» без крестных (восприемников). Об этом свидетельствуют метрические записи архимандрита, обнаруженные среди документов Барнаульского духовного правления¹⁰⁷. Как указывалось ранее, основателю Алтайской миссии необходимо было исполнять правила ведения документации, принятые для приходских священников. До официального открытия прихода в Майме метрики заполнялись в ближайшем Свято-Димитриевском приходе с. Енисейского. Скорее всего, для крещений, совершаемых архимандритом Макарием, была введена особая отчетность.

Журнал представляет собой таблицу из пяти столбцов. Первые два столбца – это нумерация записей отдельно для мужского и женского пола. В третьем столбце указано имя крещаемого, место его проживания или административная принадлежность. В случае крещения детей указываются родители. Далее в этой же графе после слов «имя нарек и крещение совершил» (если крестился взрослый) или «молился, имя нарек и крещение совершил» (в случае крещения детей) следовала подпись архимандрита Макария.

В журнале, который отражает сведения о крещениях, совершенных в течение календарного года, дается сплошная нумерация (для каждого пола отдельно). Начальный номер для мужского пола – 209, а последний – 251. Для женского пола соответственно – 223 и 268. Возможно, данная нумерация отражает общее число крещений архимандрита Макария с момента приезда на Алтай. Таким образом, за период, отраженный в документе, было совершено 43 крещения над лицами мужского пола и 46 крещений – женского, всего 89 человек.

К сожалению, в названии документа не указана дата его составления. Судя по тому, что одна из записей, а именно под номером 223, отражает крещение девочки-младенца, рожденной 6 декабря 1834 г., можно предположить, что в данных метриках отражены крещения, совершенные основателем миссии в 1835 или 1836 гг. Эта девочка, дочь заводского крестьянина из деревни Верх-Айской, была крещена 25 января, что могло быть совершено как в полтора месяца от роду, так и год спустя. Хотя последнее менее вероятно, поскольку русские крестьяне старались крестить своих детей в самом раннем возрасте, начиная с сорокового дня после рождения.

Однако при анализе документа возникает существенная трудность. Дело в том, что в статистике миссии такого количества крещенных (89 человек) нет ни за один год служения о. Макария. Это объясняется тем, что в заслугу миссионеру ставились только крещения, совершенные над совершеннолетними «инородцами», просвещенными его проповедью. А крещение малолетних детей уже не входило в собственно миссионерскую статистику и относилось к обычным приходским обязанностям. Если вычесть из общего числа крещенных детей

¹⁰⁶ ЦХАФ АК. Ф.164. Оп.1. Д.5. Л. 13.

¹⁰⁷ ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп.1. Д. 305. Л. 29–35 об.

крестьян (3 мужского и 4 женского пола), а также детей «инородцев» в возрасте до 12 лет (17 мужского и 18 женского пола), то число крещеных совершеннолетних «инородцев» будет 23 мужского и 24 женского пола – всего 47 человек. Данное число новокрещеных наиболее близко к миссионерской статистике крещений 1836 г. Тогда было признано 46 миссионерских крещения.

В данных метриках отражены крещения за период с 12 января по 13 декабря. Наибольшее количество крещений было совершено в январе, июне и июле (соответственно 21, 17 и 25-го). Имеются записи о крещениях в феврале, марте, апреле и декабре. Причем в декабре было крещено только два младенца из крестьянских семей. Это говорит о том, что с августа месяца того года начальник миссии не осуществлял активной работы. Причиной тому могла быть его болезненность. Архимандрит совершал как массовые, так и единичные крещения. Наибольшее число крещений в один день – по девять человек – было совершено трижды: 30, 31 января и 26 июня. Причем такие достаточно массовые для данной местности крещения были совершаемы не над крестьянами, а над алтайцами.

Из документа также видно, что восприемники избирались архимандритом для крещения как детей, так и взрослых. Во всех случаях за исключением одного восприемников у крещаемых было по двое. В числе восприемников чаще других числятся Бийский земский исправник титулярный советник Феодор Андреевич Серебренников и его дочь Ольга. В некоторых случаях одним и тем же лицам приходилось быть восприемниками одновременно у нескольких новокрещеных. В первые годы существования миссии сказывался, очевидно, недостаток зрелых христиан. Тем более что основатель миссии был весьма требователен к восприемникам и настойчиво напоминал им об ответственности за воспитание и благочестие новокрещеных. Среди восприемников были и другие имена, часто фигурирующие в документах по истории Алтайской миссии. Например, Иеремия Михайлович и Карп Иеремиевич Шишковы, Андрей Федорович и Александр Андреевич Аргоковы. Из рода Чевалковых упоминаются следующие семейные пары: Александр Федорович и Параскева Михайловна, дочь Степанида; Никита Федорович и Анна Ивановна; Иеремия Петрович и Екатерина Карповна, а также Николай Александрович. Особо следует упомянуть новокрещеного киргиза деревни Сарасинской Николая Никитина Мокина. Среди его потомков был купец Тимофей Евграфович Мокин, один из значительных помощников миссии, построивший множество храмов и школ в юго-западной части Горного Алтая. Восприемникам о. Макарий внушал высокую степень ответственности. В случае если новокрещеный, взрослый или ребенок, оказывался бездомным (вследствие того, что новокрещеного могли выгнать из дома некрещеные родственники, по причине сиротства или другого несчастья) восприемники должны были брать крестника к себе в дом. Миссия также не оставалась в стороне от нужд бездомных и сирот: через нее и с ее участием оказывалась материальная помощь, покупался скот, строились избы.

К вышеуказанному необходимо добавить, что весь текст данного документа написан рукой одного человека, очевидно, помощника архимандрита Макария. Исключение составляют подписи самого архимандрита Макария. Данные метрики сохранились в двух экземплярах. Второй экземпляр хранится следом за первым¹⁰⁸.

Новокрещеные христиане – воспитанники архимандрита Макария – на многие годы сохранили память о своем первом духовном наставнике – «Незабвенном», так называли его. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в год 50-летнего юбилея миссии (1880 г.) в Макарьевском миссионерском стане¹⁰⁹, названном в честь преподобного Макария, «ино-

¹⁰⁸ ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 37–43.

¹⁰⁹ Ныне село Макарьевское Красногорского района Алтайского края.

родец» Софроний Чендеков построил за свой счет новый храм. С. Чендеков был крещен основателем миссии¹¹⁰.

Можно утверждать, что деятельность преподобного архимандрита Макария (Глухарева) поистине стала равноапостольной. Он был достойным продолжателем своих предшественников – Филофея Тобольского, Иннокентия и Софрония Иркутских, – начинавших христианско-просветительскую деятельность среди коренных народов Сибири. И неудивительно, что в 1984 г. основатель Алтайской миссии был прославлен в Соборе Сибирских святых. А в августе 2000 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви архимандрит Макарий (Глухарев) был причислен к лику святых для общецерковного прославления.

¹¹⁰ См.: Крейдун Ю.А. К вопросу о периодизации деятельности Алтайской духовной миссии // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины 15 лет. Барнаул, 2004. С. 133–141.

Глава 2

Административные структуры Алтайской духовной миссии

Периодизация истории

Казенные средства, отпускаемые на миссионерские цели, были скудны; на них нельзя было не только строить храмы, но и подчас содержать семьи миссионеров. Начиная с основания Алтайской миссии, деятельность миссионерских учреждений (станы, школы, больницы) большей частью обеспечивалась за счет добровольных пожертвований. Развитие того или иного миссионерского направления во многом определялось личностью начальника Алтайской духовной миссии. В соответствии с хронологией их служения можно выявить характерные периоды развития миссионерской деятельности в Горном Алтае, создания ее организационной структуры.

Чрезвычайно сложным был первый период – основание миссии архимандритом Макарием (1830–1844). Отправляясь в далекий Алтай, основатель миссии отказался от материального вознаграждения за свои миссионерские труды, довольствуясь только магистерской стипендией 350 руб. в год.

В течение первого года пребывания на Алтае архимандрит-миссионер, объезжая алтайские селения и казачьи редуты, подбирал место для первого миссионерского стана. Таким стал улус Найминский (Майминский) в устье реки Майма. Место очень живописное и удобное в транспортном отношении, поскольку это селение находится на развилке путей в восточном и южном направлении. Миссионерский стан при архимандрите Макарии представлял собой помещение для походной церкви и несколько изб для жительства миссионера и причетников. За 14 лет пребывания архимандрита Макария в должности начальника миссии было заведено три миссионерских стана: в Майме (1831), Улале (1834) и Мыюте (1839). Постоянно действующим был только Улалинский, который ко второй половине 1830-х гг. стал центральным. Богослужения при архимандрите Макарии совершались в обычных домах или избах. Алтарная часть от остального помещения отделялась раскладным походным иконостасом. В 1838 г. «новокрещенные инородцы и другие православные христиане, живущие в Улалинском селении, построили настоящую церковь». Размеры первой улалинской церкви составляли около десяти с половиной метров в длину и пяти с половиной метров в ширину. Освящена она была в честь Всемилоственного Спаса, согласно антиминому находившемуся в миссии. Фактически первый храм Горного Алтая представлял собой вид скромного молитвенного дома.

У основателя Алтайской миссии не было возможности вести значительные постройки. Тем не менее удалось привлечь благотворителя купца М. Е. Шебалина и начать в 1843 г. строительство каменного храма в Майме – первого каменного здания в Горном Алтае. (Это здание в перестроенном виде сохранилось до наших дней.) Основная же заслуга преподобного Макария заключается не только в крещении коренного населения Горного Алтая, но и в создании условий для полноценной церковной жизни в среде новокрещенных. Отец Макарий начал прививать алтайцам глубокую веру; первые христиане-алтайцы восприняли непривычный для них оседлый образ жизни, включающий в себя весь комплекс церковных правил и обычаев.

Архимандрит Макарий от новокрещенных требовал строгого исполнения церковных правил: соблюдения постов, регулярного говения (исповеди и причастия) и посещения цер-

ковных богослужений. Вникал миссионер и в повседневную жизнь новокрещеных. Воспитывал навыки ведения домашнего хозяйства. Большое внимание при крещении о. Макарий уделял восприемникам. Миссионер не совершал крещения «инородцев» без крестных (восприемников). Причем к самим восприемникам предъявлялись очень высокие требования. Если новокрещеный, взрослый или ребенок, оказывался бездомным (вследствие того что новокрещеного могли выгнать из дома некрещеные родственники, вследствие сиротства или другого несчастья), восприемники должны были брать крестника к себе в дом. Со своей стороны архимандрит Макарий оказывал таким семьям материальную помощь: покупал скот, помогал строить избы.

Таким образом, первый период деятельности Алтайской духовной миссии заключался в становлении и утверждении церковного образа жизни коренных жителей Алтая, налаживании духовного родства и общения. Архимандрит Макарий «положил твердое основание святой и животворной веры на Алтае, обратив ко Христу и научив истинному благочестию 675 душ алтайцев»¹¹¹. Преемником архимандрита Макария в должности начальника миссии стал его ученик, в будущем протоиерей Стефан Ландышев, который помогал о. Макарию восемь лет. В феврале 1844 г. в Томске С. Ландышев был рукоположен во священника.

При втором начальнике Алтайской миссии – протоиерее Стефане Ландышеве (1844–1865) – сохранялось строгое отношение к вопросу принятия крещения. И, хотя массовых крещений не совершалось, число новокрещеных постепенно увеличивалось. А значит, следовало больше внимания уделять обустройству быта новокрещеных, особенно организации мест компактного их проживания. Соседство с некрещеными вызывало часто большие психологические трудности, а также ставило под удар возможность исполнения церковных правил в обыденной жизни. На почве религиозного разногласия иногда происходили конфликты.

Отец Стефан много ездил как по населенным территориям, так и по пустынным районам. Крестил, совершал богослужения. Второй начальник миссии положил традицию – воздвигать миссионерские кресты в особых местах. Таковыми, например, были места, где совершалась литургия¹¹². Кроме того, судя по письмам протоиерея Стефана, кресты были установлены на северном и южном берегах Телецкого озера.

Но наиболее значимым делом протоиерея Стефана была организация миссионерских селений. Инициатива в этом деле принадлежала как самому миссионеру, так и местным новокрещеным алтайцам.

Когда стали принимать крещение калмыки и татары, кочующие в отдаленных районах Алтая, переселение их оказалось слишком затруднительным. И потому «по мере средств и умножения сотрудников, миссия начала заводить новые заселения новокрещеных среди кочевьев их соплеменников, устроая в некоторых из них станы миссии, для постоянного пребывания сотрудников миссии, а в некоторых домики, для временного пребывания и совершения богослужения, стараясь поселять там с новокрещеными давно крещенных алтайцев и всегда избирая для таковых заселений места соответственные, как потребностям жителей, так и требованиям и разным нуждам службы миссионерской»¹¹³. Таковых селений в первой половине 1850-х гг. было заведено около десяти.

Существует мнение, что практика создания миссионерских селений носила насильственный характер. Но это не так. Вот как описывается этот процесс в дореволюционном путеводителе по Алтаю. В местности, где впоследствии было образовано селение Тюдрала,

¹¹¹ Алтайская духовная миссия. М., 1864. С. 5.

¹¹² См.: Памятник трудов благовестников русских с 1793 до 1853 г. М., 1857. С. 188.

¹¹³ Известия из церковной Алтайской миссии. (Сообщены начальником миссии протоиереем Стефаном Ландышевым московской Спиридоновской церкви священнику Н. Лаврову, 1857 года.). С. 283.

новокрещеный алтаец попросил миссионера поставить православный крест. Рядом была срублена изба. Здесь поселился новокрещеный. Вскоре на добровольной основе к нему стали присоединяться другие новокрещеные кочевники. Позднее было принято решение запретить селиться некрещеным в радиусе пяти километров от креста, чтобы не возникала опасность обратной ассимиляции крещеных с некрещеными¹¹⁴.

Практика создания новых селений для новокрещеных алтайцев имела большое воспитательное значение. Здесь миссионеры приучали кочевников к оседлому образу жизни, строительству изб, огородничеству, пчеловодству; женщин приучали к ведению домашнего хозяйства. Расселение в миссионерских селениях носило добровольный характер. Так, в начале 1860-х гг. всего христиан-алтайцев было около 5000 человек, а приученных «к оседлости и расположенных к трудолюбивой жизни около 3200 душ»¹¹⁵.

За время начальствования протоиерея Стефана в ведении миссии оказалось 22 селения новокрещеных. Большая часть этих селений была заведена вторым начальником миссии.

Вместе с созданием селений строились храмы, молитвенные дома, открывались новые миссионерские отделения-станы. Если при архимандрите Макарии был один постоянно действующий миссионерский стан, то к середине 1860-х гг. существовало уже восемь отделений: Улалинское, Мыютинское, Чемальское, Макарьевское, Черно-Ануйское, Кузнецкое, Кебезеньское, Урсульское. До конца своих дней протоиерей Стефан Ландышев оставался в миссии и был похоронен в 1874 г. у алтаря Улалинского храма Всемилоственного Спаса.

При третьем по счету начальнике миссии – архимандрите Владимире (Петрове, 1865–1883 гг.) – процесс образования новых селений и станов продолжался. В частности, были открыты Чуйский, Чулышманский и Мрасский станы Алтайской миссии. Однако более значимая заслуга архимандрита Владимира – это строительство новых церковных зданий.

Только в 1870–1874 гг. его попечением были построены церкви в с. Чопоше, Мыюте, Катанде и в Александровском. В 1872 г. в Улале закончилось строительство дома для начальника миссии, в мезонине которого располагалась домовая церковь во имя свт. Иннокентия Иркутского.

Но самой значительной стройкой этих лет стала новая церковь в центре миссии – Улале. Проблема строительства более просторного здания возникла уже давно – старое обветшало, требовало постоянного ремонта, да и размеры были слишком малы и не соответствовали его статусу. После пожара в 1873 г., уничтожившего старую церковь, начальник миссии срочно взялся за строительство храма в Улале. Основные расходы на возведение храма взяли на себя Православное миссионерское общество, основанное в 1865 г. и высокопреосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский. Начальник миссии должен был сам руководить стройкой из-за отсутствия квалифицированных специалистов и состоятельных строителей-подрядчиков, а также в связи с необходимостью жестко экономить средства. Подрядчиком стал простой плотник Архип Борзенков, уже имевший опыт строительства небольшой церкви в с. Мыюте. Место для храма было выбрано в центре селения, неподалеку от впадения р. Уалы в р. Майму. Однако возникла опасность, что реки могут изменить русло и повредить будущему зданию. В связи с этим архимандрит Владимир с несколькими рабочими начал «копать канавку», к ним присоединились жители – вскоре было расчищено новое русло для реки и построена плотина¹¹⁶. В Горном Алтае не хватало не только рабочих рук, но и архитектурно-инженерных кадров. Эту брешь также устранил разносторонне одаренный человек – архимандрит Владимир. Планы многих церквей, построенных в то время, были начерчены им лично.

¹¹⁴ См.: Яблонский Н. В. Путеводитель по Горному Алтаю. Томск, 1903. С. 129.

¹¹⁵ Алтайская духовная миссия. М., 1864. С. 5.

¹¹⁶ См.: Отчет об Алтайской Духовной Миссии за 1875 год. Томск, 1876. С. 15–16.

При архимандрите Владимире получили развитие традиции православного монашества. К началу 1880-х гг. Улалинская женская община была преобразована в женский миссионерский монастырь. Большую поддержку третий начальник миссии оказывал и мужской обители в устье реки Чулышман. Наиболее серьезный фактор в храмоздательстве был, несомненно, материальный. Архимандрит Владимир, активно участвуя в создании Православного миссионерского общества, смог существенно увеличить финансирование Алтайской миссии. Это позволило не только построить более десятка храмов по Горному Алтаю, но и возвести первый архиерейский дом с церковью в Бийске.

В самом конце 1879 г. Святейшим Синодом было определено открыть в пределах Томской епархии викариатство в г. Бийске – для начальника миссии. Таким образом, был значительно повышен статус начальника Алтайской духовной миссии. Наречение и хиротония архимандрита Владимира состоялась в марте 1880 г. в кафедральном Томске. С этого момента резиденция начальника Алтайской миссии была перенесена в Бийск. Через несколько лет епископ Владимир был назначен епископом Томским. Но он продолжал оказывать посильную помощь храмостроительству на Алтае и когда стал епископом Ставропольским, и в конце жизни – архиепископом Казанским. Архиепископ Владимир был первым жертвователем на строительство прекраснейшего каменного собора в Улалинском женском монастыре (1893–1897).

В общем третий период существования Алтайской духовной миссии ознаменован активным храмостроительством на всей территории Горного Алтая. Столь плодотворная деятельность третьего начальника миссии стала возможна во многом благодаря его личным качествам: «В общении со служащими в Миссии о. архимандрит Владимир был строг, как начальник, но милостив, как отец»¹¹⁷.

Четвертый период истории Алтайской миссии во многом определяется личностью святителя Макария Алтайского (1883–1890 гг.). Михаил Невский прибыл в Алтайскую миссию в качестве рядового сотрудника в 1855 г. Подобно протоиерею Стефану Ландышеву, он стал воспитанником миссии. На первых порах, будучи учителем, катехизатором и переводчиком, он на деле увидел необходимость просвещения коренного алтайского населения. Он вникал буквально во все проблемы налаживания педагогического процесса. В 1861 г. будущий святитель был пострижен в монашество с именем Макарий и рукоположен во священника.

С 1870 г. о. Макарий (Невский) стал заведующим Центральным миссионерским училищем. Тогда оно было временно переведено в Чопош. В 1875 г. о. Макария направили служить в Улалинский стан и назначили помощником начальника миссии. Вместе с игуменом Макарием в Улалу было возвращено и миссионерское училище. А еще через восемь лет (1883), когда о. Макарий был хиротонисан во епископа Бийского и назначен начальником миссии, выпускники Центрального Улалинского миссионерского училища были переведены в Бийский архиерейский дом, где по инициативе нового начальника было создано миссионерское катехизаторское училище. Это было продиктовано желанием святителя Макария утвердить на Алтае проповедь и богослужение на языке местных жителей. Целью этого училища была подготовка «чтецов, миссионерских сотрудников, учителей и духовенства среди алтайцев»¹¹⁸. В 1890 г. на правительственном уровне был утвержден устав катехизаторского училища.

Одновременно с устройством училища встал вопрос о создании системы школьного образования при миссионерских станах. Это совпало по времени с выходом распоряжения императора Александра III, согласно которому духовенству предписывалось активное уча-

¹¹⁷ Священник Василий Ландышев. Воспоминания о Высокопреосвященнейшем Владимире, Архиепископе Казанском и Свияжском, бывшем начальнике Алтайской и Киргизской миссии // Томские епархиальные ведомости. 1900. 1 21. С. 22.

¹¹⁸ Пятьдесят лет священнослужения Высокопреосвященнейшего Архиепископа Томского Макария // Православный благовестник, 1911. 1 7. С. 292.

стие в распространении грамотности среди народа. За период с 1883 по 1891 гг. при миссионерских станах были организованы более десяти школ грамоты.

Помимо школьного образования, доступного только детям, епископ Макарий вменил в обязанности миссионеров «народные просветительные чтения». При чем начальник миссии в этой работе подавал миссионерам личный пример. При его резиденции в Бийске такие чтения проводились дважды в неделю.

Святитель оказывал большую помощь миссионерским школам, особенно тогда, когда стал митрополитом Московским. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа в сентябре 1916 г. писал, что «все заботы Вашего Высокопреосвященства я помню и свято храню» и «пока я Вашими молитвами останусь на своем посту, на Алтае все будет в соответствии с Вашим желанием и отеческим указанием»¹¹⁹. Большим авторитетом владыка Макарий пользовался и среди учителей. В знак благодарности владыке Макарию за многочисленные труды по благоустройству школ миссии новую улалинскую школу было решено назвать его именем. Эта школа была построена в заречной части села Улалы¹²⁰. Даже Чемальская женская община на заре своего существования (в середине 1890-х гг.) хотела носить его имя, но владыка смиренно отказался: «...если же назвать ее нужно, то отнюдь не моим именем при жизни моей.»¹²¹ В начале XX в. благодаря свт. Макарию в Чемале были открыты женские учительские курсы.

Много было сделано для постановки планомерного педагогического процесса. Обращаясь к миссионерам и учителям, епископ Макарий указывал, что для ученика прежде всего важно духовное воспитание и образование «с преобладанием духа истинного христианства»¹²². В 1886 г. святителем были разработаны «Инструкция для учителей миссионерских школ» и «Советы для миссионеров Алтайской и Киргизской миссии»¹²³. Нужно отметить, что некоторые положения из них актуальны и сейчас и могут быть использованы в православных учебных заведениях.

По примеру третьего начальника миссии епископ Макарий продолжал церковное строительство. При нем были расширены пределы Алтайской миссии (открыто Бачатское отделение, находящееся в Кузнецком округе), увеличено число миссионеров-священнослужителей, часть из которых были уроженцами Горного Алтая. Как правило, в каждом новом стане возводились храм и школа.

Таким образом, при всей многогранной деятельности святителя Макария на посту начальника Алтайской духовной миссии главным его вкладом в дело миссионерства на Алтае было создание системы образовательных учреждений. Это главная заслуга четвертого по счету начальника Миссии.

Следует добавить, что рассмотренная нами периодизация по хронологическому признаку достаточно хорошо соотносится с этапами развития миссионерской проповеди. А именно: 1) завоевание доверия, создание письменности, появление школ и перевод богослужебных текстов; 2) появление храмов, богослужение на родном языке, организация духовных школ, зарождение национальной интеллигенции; 3) оформление национальной церкви, появление своего епископа, священнослужителей из коренных жителей, формирование культурной интеллигенции и достижение вершин духовной христианской культуры. Это позволяет сделать вывод о том, что алтайским миссионерам в процессе своей деятельности удалось перенести на сибирскую землю метод святых Кирилла и Мефодия, так назы-

¹¹⁹ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 102. Л. 119 об.

¹²⁰ Там же. Д. 113. Л. 76 об.

¹²¹ Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

¹²² Там же. Д. 136. Л. 17–18 об.

¹²³ Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–12 об.

ваемый метод инкультурации. Этот метод позволил не только осуществлять процесс воцерковления коренных народностей Горного Алтая, первоначально далеких от христианского миропонимания, но и дать им письменность, школы, письменную и изобразительную культуру; не только приобщить их к великой восточно-европейской культуре, но и сохранить в процессе христианизации национальную культурную самобытность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.